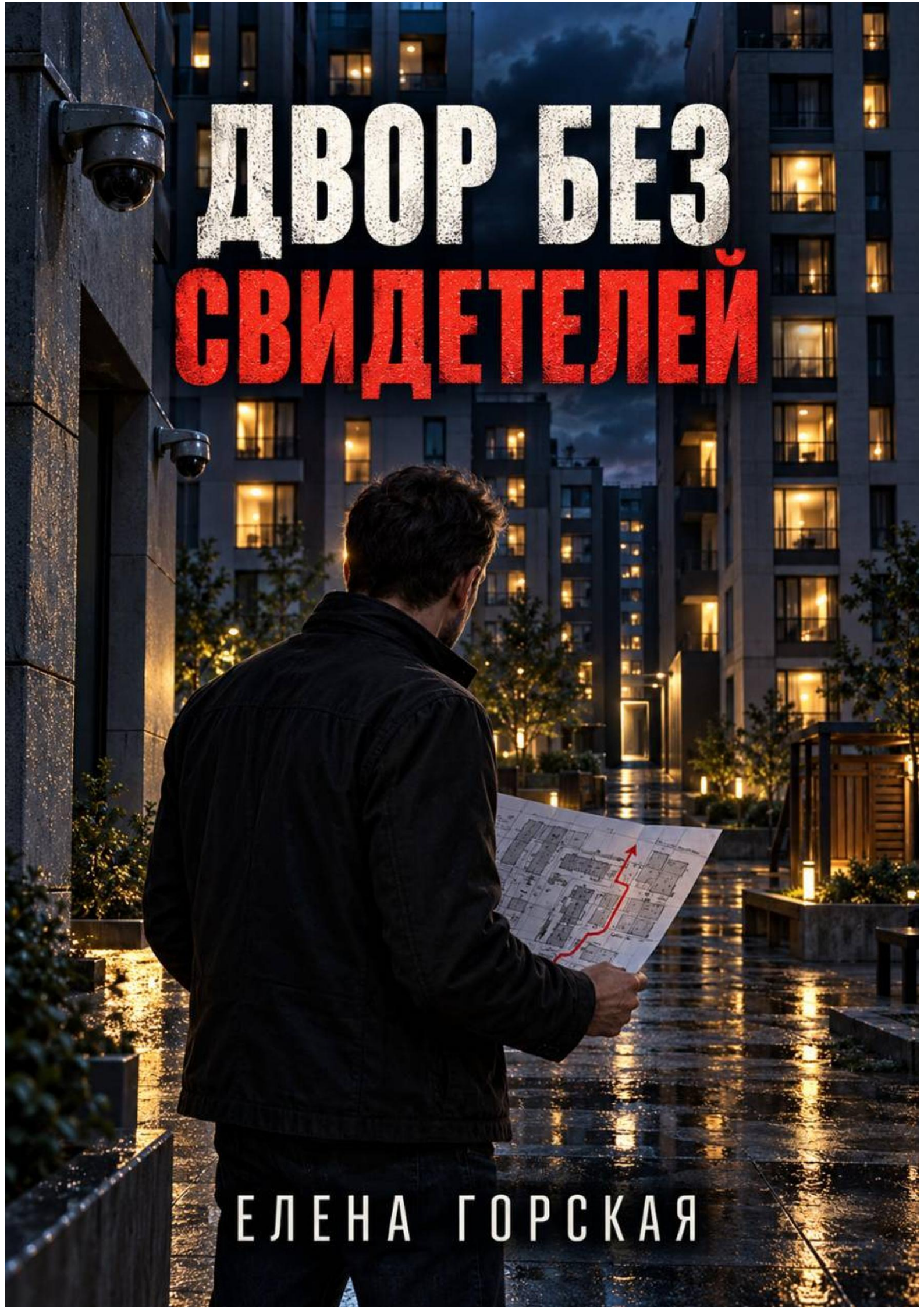

ДВОР БЕЗ
СВИДЕТЕЛЕЙ
ЕЛЕНА ГОРСКАЯ

Елена Горская

Двор без свидетелей

«Автор»
2026

Горская Е.

Двор без свидетелей / Е. Горская — «Автор», 2026

В новом жилом комплексе находят мёртвой бухгалтера управляющей компании. Все камеры смотрят во двор, но ни одна никогда не записывала. Участковый Иван Чернов обнаруживает под старыми актами собственную подпись: год назад он поверил зелёным индикаторам и не проверил архив.Начальнику нужен быстрый отчёт и удобный подозреваемый. Ивану — путь, который выдержит проверку. Его отмечают сухие подошвы погибшей, белая пыль, чужой пакет, общий код домофона и старая схема дома, четыре года лежавшая в открытом доступе. Но каждая улика допускает невиновное объяснение, а признание полицейской ошибки может окончательно разрушить доверие к отделу.«Двор без свидетелей» — современный бытовой детектив о расследовании без всевидящих камер. Здесь правда складывается из мелочей, замеченных обычными людьми, и зависит от умения отделить увиденное от додуманного.

© Горская Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Тёмные купола 6
Глава 2. Отметка в журнале 12
Глава 3. Чистая подошва 19
Глава 4. Последняя доставка 26
Глава 5. Триста дворов 35
Глава 6. Сервер без дисков 40
Глава 7. Белая пыль 48
Глава 8. Чужой пакет 56
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Елена Горская
Двор без свидетелей

От автора

Мы привыкли считать камеру свидетелем, который не спит, не путает лица и не боится начальства. Маленький тёмный купол над подъездом успокаивает даже тогда, когда никто не знает, куда ведёт его провод и сохраняется ли хоть одна запись.

Эта история начинается во дворе, где камер много, а изображения нет. Людям приходится вспоминать не эффектные подробности, а обычные: когда остановился лифт, откуда тянуло холодом, чей пакет лежал у двери, почему в пустом окне горел свет. Ни один такой факт не заменяет доказательства. Но внимательная проверка отделяет память от догадки и складывает разрозненные наблюдения в путь, который можно пройти заново.

«Двор без свидетелей» — роман не о чудесной полицейской проницательности. Его герой ошибается именно там, где привык полагаться на опыт и знакомство с людьми. Ему предстоит признать, что подпись под непроверенным актом тоже является поступком, даже если в тот день все торопились и никто не ждал беды.

В книге нет единственной записи, которая решит загадку за людей. Есть двор, где каждый видел слишком мало, и открытый старый план, который годами мог посмотреть любой. Правда здесь становится видимой не потому, что нашёлся всевидящий прибор, а потому, что люди согласились проверять друг друга и отвечать за то, что раньше казалось формальностью.

Глава 1. Тёмные купола

Первый звонок поступил из квартиры сто четырнадцать: женщина сообщила, что наверху двигают шкаф. Второй — из сто пятнадцатой: там утверждали, что никакого шкафа нет, а соседка снизу стучит по батарее и пугает ребёнка. Когда Иван Чернов вошёл в арку «Речного квартала», обе заявительницы уже ждали его возле песочницы.

Над двором висели четыре камеры. Их чёрные купола отражали белое небо, одинаковые окна и Ивана в расстёгнутой куртке. Дождь закончился минут двадцать назад, но с козырьков ещё капало.

— Я не говорила, что прямо сейчас, — объяснила женщина из сто четырнадцатой. — Они каждую ночь начинают после одиннадцати.

— Мы в одиннадцать спим, — ответила соседка сверху. — У нас ребёнок.

Ребёнок, мальчик лет семи, стоял рядом и катал по мокрой скамейке пластмассовый грузовик.

— Что именно слышно? — спросил Иван.

— Будто шкаф волокут. Туда, обратно. Потом удар.

— В какое время сегодня?

— В два семнадцать. Я посмотрела.

Соседка сверху закатила глаза.

— В два семнадцать мы спали.

— Вы всегда спите, когда шумите.

Иван открыл служебную тетрадь. Обычно он не записывал такие разговоры на месте. В Вязовке достаточно было спросить у ближайших соседей, кто ночью пилил доски или заводил старый мотоцикл. В новом комплексе люди жили стенка к стенке и не знали фамилий друг друга. Здесь память участкового не помогала: за месяц сменялись арендаторы, номера квартир путались, а одинаковые двери не оставляли лицу никакой зацепки.

— Сегодня проверим пол и мебель, — сказал он. — Если следов нет, подумаем про трубы и лифт. В два семнадцать вы не звонили?

— А кто приедет ночью из-за шкафа?

— Значит, сейчас мы проверяем вчерашний звук по вашим словам.

Женщина поджала губы, но продиктовала фамилию. Иван записал обе. Они поднялись в третий корпус. В квартире сверху стояли диван, детская кровать и лёгкий стол на тонких ножках. Шкафа в комнате действительно не было. На ламинате лежал ковёр, под ножками мебели — войлочные накладки.

Иван попросил мальчика покатать грузовик по полу. Внизу женщина сразу позвонила и сказала, что это не тот звук.

На лестничной площадке гудела труба отопления. Гул усиливался, когда в подвале включался насос, а потом заканчивался коротким ударом. Иван прислонил ладонь к металлу.

— В два семнадцать автоматика могла переключить второй контур, — сказал подошедший слесарь. — Я журнал посмотрю.

— Посмотрите и напишите мне, не только позвоните.

Слесарь удивился.

— Вы же меня знаете, Иван Андреевич.

— Поэтому и прошу написать.

Он сам не понял, почему настоял. Наверное, потому, что три дня назад искал сообщение от этого же слесаря о затопленном подвале и не смог вспомнить, было оно в мессенджере или тот сказал при встрече у магазина.

На первом этаже пахло картоном и жареным луком. Курьер в жёлтой куртке держал дверь ногой, сверяясь с телефоном.

— Дамир, домофон опять открыт? — спросил Иван.

Курьер поднял голову.

— Мне код дали.

— Кто?

— Заказчик.

— Код общий или квартира открыла?

— Не знаю. Нажал четыре цифры — вошёл.

— Покажи.

— Заказы нельзя показывать.

— Адрес закрой ладонью. Мне нужен способ входа.

Дамир неохотно повернул экран. В комментарии стояло: «Код 1974, не звонить, ребёнок спит».

Иван записал цифры.

— Я в прошлый раз говорил: общий код нельзя раздавать.

— Это вы жильцам скажите. Я доставляю.

Дамир подхватил большой бумажный пакет и побежал к лифту. На спине куртки темнели дождевые пятна. Иван проводил его взглядом и вышел во двор.

«Речной квартал» рекламировали как двор без машин и тревог. Три серых корпуса образовывали почти замкнутый прямоугольник. Машины всё равно стояли у пожарного проезда, а тревоги звонили Ивану по обычному номеру. Служебный телефон он выключал только по воскресеньям, когда Миша жил у него, и даже тогда проверял экран каждые полчаса.

У входа в первый корпус Алла Рубцова приклеивала под стекло новое объявление. Старое, про поверку счётчиков, она сняла и аккуратно свернула.

— Прекрасно, что вы здесь, — сказала она. — У нас опять открыта дверь паркинга.

— Я по шуму.

— Шум подождёт. Через паркинг можно войти в дом.

— Ключ у охраны?

— Какой охраны?

Иван посмотрел на пустую будку возле шлагбаума. На стекле висела табличка «Ведётся видеонаблюдение».

— По договору должен быть пост.

— По квитанции тоже. Четыреста восемьдесят рублей с квартиры. Хотите познакомиться с охранником — приходите в полночь первого января. Может быть, он появляется раз в год.

Алла сунула снятое объявление в прозрачную папку. Она хранила бумаги так, словно готовила выставку неисполненных обещаний.

— Я уже писал в управляющую компанию.

— Вы переслали им мою жалобу. Они ответили, что дверь закрывается. Я прислала фотографию открытой двери. Вы ответили, что нарушение устранено.

— Мне сообщили, что устранили.

— Вот именно.

Иван посмотрел вверх. Над входом горел красный огонёк камеры.

— Камера берёт дверь.

— Она берёт деньги, — сказала Алла. — Больше ничего не берёт.

— Проверяли запись?

— Мне её не дают. Персональные данные. Полиции, наверное, дадут.

Иван собирался ответить, что для запроса нужен повод, когда из арки выбежала девочка в домашних тапочках.

— Там женщина лежит.

Алла первой шагнула к ней.

— Где?

— За синей дверью. Я за мячом пошла. Там темно, а она лежит.

Девочка показывала на проход между первым корпусом и въездом в паркинг. Синяя металлическая дверь вела в помещение с трубами и электрическими щитами. Обычно она была заперта. Сейчас створка не доходила до коробки на ширину ладони.

— Как тебя зовут? — спросил Иван.

— Соня.

— Ты заходила внутрь?

— Только голову сунула.

— Ничего не трогала?

Девочка посмотрела на грязный теннисный мяч в своей руке.

— Мяч взяла.

— Где он лежал?

— У двери.

Иван попросил Аллу отвести Соню к матери и никого не пускать в проход. Потом надел тонкие перчатки из служебной сумки и потянул дверь за край.

Внутри горела одна лампа под потолком. Свет дрожал, но не гас. Вдоль стены шли трубы в серой изоляции, на полу стояли банки с краской и мешок сухой смеси. Женщина лежала на боку возле металлического шкафа, лицом к стене. На ней было тёмно-зелёное пальто. Одна туфля слетела, сумка раскрылась, рядом рассыпались ключи и мелочь.

Иван остановился на пороге. Он видел погибших на дорогах, в домах и однажды в замёрзшем автобусе, но первым движением всё равно было желание подойти и поправить нелепо вывернутую руку. Он заставил себя смотреть под ноги.

Мокрых следов от двери не было.

За последние полчаса во дворе каждый человек приносил на подошвах воду. Здесь бетон у порога был влажным от сквозняка, дальше — сухим. Туфля женщины лежала подошвой вверх. Протектор был серым, почти чистым.

Иван позвонил дежурному, назвал адрес и попросил следственно-оперативную группу и скорую. Потом присел, не входя глубже, и громко обратился к женщине. Ответа не было. С этого расстояния он не мог надёжно проверить дыхание. Пришлось пройти по самому краю, отмечая каждый шаг.

Признаков жизни не оказалось.

На затылке темнело повреждение, но Иван не стал решать, от чего оно возникло. Возле шкафа лежал обломок пластмассовой ручки. На трубе белела пыль, будто кто-то недавно коснулся её рукавом.

Сумка была открыта. Кошелёк виднелся внутри. Телефона рядом не было.

В дверях появилась Алла.

— Я просил никого не пускать.

— Я никого и не пустила. Сама стою снаружи. Это Нина Сафронова.

— Откуда знаете?

— Пальто. И сумка её.

— Кто она?

— Бухгалтер управляющей компании. Вчера просила меня зайти сегодня после семи. Сказала, покажет сверку.

— Какую сверку?

— По охране и камерам.

Во дворе уже собирались люди. Они держались у арки, но каждый новый человек подходил на два шага ближе. Иван натянул поперёк прохода ленту, которую возил для аварийных мест, и попросил Аллу записать имена тех, кто успел войти в арку после девочки. Она хотела возразить, но взяла его тетрадь.

— Почему я должна делать вашу работу?

— Не должны. Но я сейчас у двери, а вы лучше меня знаете жильцов. Пишите только тех, кого видели сами.

— Не тех, о ком рассказали?

— Именно.

Алла кивнула. Такое ограничение ей понравилось.

Через семь минут приехала скорая, ещё через двенадцать — следователь Ксения Белова с криминалистом и двумя оперативниками. Иван передал ей последовательность действий: жалоба на шум, разговор во дворе, сообщение Сони, открытая дверь, вход для проверки состояния, отсутствие признаков жизни. Отдельно назвал свои шаги и то, что девочка подняла мяч у порога.

— Личность? — спросила Белова.

— Предположительно Нина Сафронова, бухгалтер УК. Подтвердит сотрудник или родственник.

— Когда видели живой?

— Пока не знаю.

— Камеры?

Иван показал на купол над аркой.

— Этот смотрит прямо на вход. Ещё три берут двор и въезд.

Оперативник обрадовался:

— Хоть раз не будем собирать бабушек по окнам.

Алла, услышав, коротко рассмеялась.

— Собирайте бабушек.

Криминалист начал с порога. На сыром бетоне отпечатались кроссовки Сони, ботинки Ивана и несколько смазанных следов у самой двери. Дальше следов влаги не было. Белова указала на чистую подошву туфли.

— Пришла до дождя?

— Или не со двора, — сказал Иван.

— Другой вход есть?

— По плану нет. За стеной паркинг, но прохода я не видел.

Алла подняла голову от списка.

— Там всегда дует.

— Где? — спросила Белова.

— У этой стены. Мы три года жалуемся. УК пишет, что шов герметичный.

Белова попросила её пока не обсуждать версии с жильцами. Затем отправила оперативника в офис управляющей компании за записями.

Офис находился во втором корпусе. Директор Олег Каретников приехал раньше оперативника: кто-то из жильцов успел позвонить. Он прошёл через двор без зонта, прижимая к груди кожаную папку. На пороге арки остановился перед лентой.

— Нина там?

— Личность официально не подтверждена, — сказал Иван.

— Мне Алла уже сказала. Что произошло?

— Когда вы видели Сафронову?

Каретников провёл ладонью по мокрым волосам.

— Днём. Она ушла в половине шестого. Сказала, что занесёт документы в архив.

— Где архив?

— В офисе.

— Зачем тогда она оказалась здесь?

— Не знаю. Может, проверяла счётчики. Нина вечно лезла не в своё дело.

Он сразу поправился:

— То есть помогала. Она была ответственная.

Белова вышла к ним.

— Нам нужны записи всех камер с шестнадцати часов, журналы домофона и список ключей от этой двери.

— Конечно. Пойдёмте в диспетчерскую.

Каретников повёл их в офис. Иван остался у ленты, пока его не сменил оперативник, затем догнал группу.

Диспетчерская занимала комнату без окон. На стене висели два монитора. Один показывал схему отопления, второй — четыре прямоугольника с видами двора. На них люди толпились возле арки с задержкой в несколько секунд. Камеры работали.

— Перемотайте на шесть вечера, — сказала Белова.

Диспетчер взял мышь и открыл программу. Календарь появился, но все даты были серыми.

— Наверное, зависло.

— Сегодня откройте.

— Не даёт.

Каретников встал у него за плечом.

— Перезапустите.

После перезапуска серые даты не изменились. Диспетчер позвонил человеку, записанному в телефоне как «камеры Артём». Тот долго не отвечал, потом попросил сфотографировать заднюю панель сервера.

Сервер стоял в нижней части шкафа. Индикаторы мигали зелёным. Диспетчер открыл дверцу, присел и протянул руку внутрь.

— Здесь пломба, — сказал Иван.

На корпусе висела бумажная наклейка управляющей компании. Край отстал от пыли, но подпись была цела.

— Вскрывать при понятых, — решила Белова. — Сначала специалист.

Телефон диспетчера лежал на громкой связи. Артём спросил модель регистратора и номер ошибки.

— Ошибки нет, — сказал диспетчер. — Архив пустой.

— А диски какие стоят?

— Откуда я знаю?

— На экране хранения что написано?

Диспетчер открыл вкладку. В строке «Общий объём» стоял ноль. В строке «Свободно» — тоже ноль.

В комнате стало тихо. За стеной звонил офисный телефон, но никто не снимал трубку.

— Это после сбоя? — спросил Каретников.

Артём ответил не сразу.

— Ноль обычно значит, что программа не видит накопителей.

— Они могли сломаться сегодня?

— Все сразу? Надо смотреть.

Иван наклонился к экрану. Живое изображение продолжало идти. Во дворе криминалист фотографировал порог, люди расходились по подъездам, на мокрой плитке отражались окна. Каждая камера исправно показывала настоящее и ничего не помнила.

— Когда последний раз выгружали запись? — спросила Белова.

Диспетчер пожал плечами.

— У нас не запрашивали.

— Проверка системы когда была?

Каретников открыл кожаную папку. В ней лежали акты с печатями.

— Весной. Потом в августе совместный обход с участковым.

Иван увидел свою фамилию прежде, чем Каретников вынул лист. «Чернов И. А.». Под ней стояла подпись, быстрая, с короткой перекладиной, которую он всегда ставил на ходу.

В августе диспетчер показал ему четыре живых картинки. Иван прошёл по двору, проверил, что слепых зон у входов нет, и расписался. Архив он не открывал. Никто не просил. Проверка занимала последнее утро перед отпуском, Миша ждал его в машине с рюкзаком и удочками.

— Вы подтверждали исправность? — спросила Белова.

— Подтверждал обзор камер и наличие изображения.

— В акте написано «система видеонаблюдения исправна».

— Вижу.

Каретников держал лист за верхние углы.

— Может быть, накопители сняли после проверки.

— Кто имел доступ к шкафу? — спросила Белова.

— Диспетчеры, я, главный инженер. Но пломба цела.

— Пломбу когда поставили?

— После обслуживания весной.

Если пломба была весенней, Иван в августе не мог проверить диски, не вскрыв её. И всё же подписал исправность системы.

Белова забрала акт в прозрачный файл.

— Оригинал изымаем. Сервер пока не трогать. Дежурство у двери, доступ записывать.

Каретников начал объяснять, что остановка диспетчерской оставит комплекс без наблюдения.

Алла появилась в дверях, будто ждала именно этих слов.

— Без наблюдения мы уже были.

На втором мониторе двор постепенно пустел. Чёрные купола оставались над каждым подъездом, красные огоньки горели. Любой житель, подняв голову, увидел бы их и решил, что его вход и выход сохранены.

Иван смотрел на собственную подпись в руках следователя. Несколько часов назад он потребовал от слесаря письменный ответ, потому что устное обещание легко терялось. Здесь письменный ответ не потерялся. Он лежал перед ним и удостоверял то, чего Иван не проверял.

— Мне нужно дать объяснение сейчас? — спросил он.

Белова посмотрела на него внимательнее.

— Сначала зафиксируем место и опросим последних свидетелей. Потом объясните, что именно делали при обходе. По пунктам.

— Хорошо.

Телефон Ивана завибрировал. На экране было сообщение от Миши: «Ты сегодня в семь придёшь? Мы же модель доделаем».

Иван набрал: «Буду позже. Не жди с ужином». Стер. Написал: «На работе погиб человек. В семь не успею. Позвоню в восемь и скажу, когда буду». Отправил.

Во дворе снова пошёл дождь. Капли стекали по объективам, и четыре живые картинки мутнели одновременно. Запись не велась ни на одном экране.

Но подпись Ивана сохранилась.

Глава 2. Отметка в журнале

К половине десятого дождь снова кончился. Во дворе «Речного квартала» остались две служебные машины, лента у арки и жильцы у окон. Когда Иван выходил из диспетчерской, занавески на третьем этаже качнулись сразу в трёх квартирах. Он подумал, что двор всё-таки полон свидетелей. Просто каждый видел из своего прямоугольника и заранее решал, что важно, а что нет.

Следователь Белова отвела его в пустой кабинет управляющей компании. На столе стояли чашка с засохшим чайным пакетиком, перекидной календарь и лоток с квитанциями. Из-за стены доносился голос Каретникова: директор объяснял оперативнику, что Нина не имела причин ходить в техническое помещение. Он повторял это третий раз, почти одинаковыми словами.

Белова положила перед Иваном чистый лист.

— Давайте без общего рассказа. В августе вы пришли сюда во сколько?

— Примерно в десять утра. Точную дату посмотрим по акту.

— Не примерно. Если не помните, так и пишем: точное время не помню.

Иван кивнул. Он уже начал объяснять себе, что августовский обход был обычным, что участковый не обязан разбираться в устройстве регистратора, что рядом находились сотрудники управляющей компании. Все эти мысли звучали правдоподобно, пока не приходилось отвечать на короткий вопрос.

— Точное время не помню. Пришёл после звонка главного инженера. Фамилию сейчас не назову.

— Кто вас встретил?

— Диспетчер и главный инженер. Возможно, Каретников заходил позже. Не уверен.

— Что вы сделали сами?

Иван посмотрел на серый шкаф у стены. На дверце висела памятка об экономии электричества. В августе он вошёл в такую же комнату, только окно тогда было открыто и от двора пахло нагретой резиной детской площадки.

— Сначала посмотрел живое изображение на мониторе. Все четыре камеры давали картинку. Потом прошёл по двору. Диспетчер говорил со мной по телефону и переключал окна на экране. Я вставал у подъездов, у арки и возле въезда в паркинг. Он подтверждал, что меня видно.

— Вы сами после обхода смотрели, что получилось?

— Да. Вернулся сюда и увидел себя на четырёх изображениях.

— Архив открывали?

— Нет.

— Запись за время обхода пытались воспроизвести?

— Нет.

— Накопители проверяли?

— Нет. Шкаф был опломбирован.

— Журнал ошибок программы смотрели?

— Нет.

Белова записывала ответы от руки, оставляя между строками место. Не упрекала, не помогала подобрать удобную формулировку.

— Что в акте было написано до вашей подписи?

— Тот же текст, который сейчас. «Система видеонаблюдения исправна, обзор входных групп и придомовой территории обеспечен».

— Вы читали?

— Читал.

— Замечание о том, что проверили только изображение в настоящем времени, внесли?

— Нет.

— Почему?

Вопрос был простым. Иван мог бы сказать, что форма акта уже была напечатана, что его пригласили оценить обзор, а не хранение данных, что главный инженер торопил. Всё это было правдой. Но ни одна причина не мешала ему взять ручку и дописать одну строку.

— Я счёл, что живой картинки достаточно для этой проверки.

— Вас так проинструктировали?

— Нет.

— Кто-нибудь прямо сказал, что запись работает?

Иван попытался восстановить разговор. Главный инженер хлопнул ладонью по тёплому металлическому шкафу и сказал: «Всё крутится». Диспетчер показал красные точки в углах изображений. Иван тогда решил, что точки означают запись. Спросил ли он об этом вслух? Нет.

— Прямого утверждения не помню. На экране были красные значки. Я принял их за знак записи, но значение не проверил.

Белова подняла глаза.

— Вот это напишите отдельно. Не «запись велась», а «принял значок за знак записи». Разница сейчас важна.

Иван записал. Буквы вышли слишком крупными, последняя строка полезла к краю листа.

— Вы понимаете, что я не решаю вопрос о вашей ответственности? — спросила Белова. — Мне надо установить, когда исчез архив. Если его никогда не было — одна картина. Если диски сняли после августа — другая. Ваш обход пока не доказывает ни того, ни другого.

— Понимаю.

— Тогда последнее. Вы получили копию акта?

— Нет.

— Сделали отметку в своём служебном журнале?

Иван открыл тетрадь, которую носил с собой. Нынешняя началась в сентябре. Предыдущая лежала в кабинете отдела среди старых объяснений и корешков уведомлений.

— Записывал выезд. Что именно — посмотрю.

— Тетрадь не правьте и страницы не вырывайте.

— Ксения Павловна.

— Я обязана сказать.

Она собрала листы. Из коридора донёсся резкий голос Аллы Рубцовой: её не пускали забрать оставленную на стуле папку. Белова велела Ивану пригласить её, но предупредить, что подробности осмотра обсуждать нельзя.

Алла вошла вместе с папкой, которую уже успела получить у оперативника. Села не дожидаясь предложения и положила ладони на прозрачную обложку.

— Нина мертва?

— Да, — сказала Белова. — Личность подтвердил директор. Родственников уведомляют.

Алла на секунду закрыла глаза. Потом спросила:

— Её убили?

— Причину смерти установит исследование. Сейчас расскажите о встрече, которую она вам назначила.

— Вчера в шестнадцать двенадцать Нина позвонила. Я сохранила вызов. Сказала: «Есть расхождение по охране, завтра покажу». Я спросила, пришлёт ли таблицу. Она ответила, что не хочет пересылать с рабочего адреса и принесёт бумагу.

— Куда принесёт?

— В первый корпус. Мы собирались встретиться у лифта после семи.

— Точное время?

— Она сказала: «Как закончу, после семи». Это не точное время.

Белова едва заметно улыбнулась. Алла говорила так, будто давно ждала собеседника, который различает факт и пересказ.

— Что за расхождение?

— В квитанциях есть охрана. В доме охраны нет. Мы запросили договор и акты. Нам прислали три страницы без приложений. Нина в прошлом месяце сказала в коридоре, что цифры «не сходятся по объектам».

— По каким объектам?

— Не объяснила. Каретников вышел из кабинета, и она замолчала.

— Бумаги у вас теперь нет?

— Нина не пришла.

— Вы ей звонили?

Алла показала экран телефона. Два исходящих вызова: в девятнадцать двадцать одну и в девятнадцать сорок четыре. Оба без ответа. Потом сообщение: «Я у первого подъезда. Вы будете?»

— Почему не начали искать?

— Я решила, что она испугалась. Такое уже бывало. Не с Ниной — вообще с сотрудниками управляющей компании. Сначала обещают дать документ, потом узнают, что директор против, и перестают отвечать.

— Во сколько вы ушли?

— В восемь без десяти. Потом работала дома. Камера у меня включена на совещании с двадцати до двадцати двух, коллеги подтвердят.

Иван заметил, как быстро Алла добавила последнее. Не потому, что её обвинили. Она просто понимала: если встреча была назначена с ней, проверят и её время.

— Вы видели Нину сегодня? — спросил он.

— Нет.

— Её телефонный номер у вас записан?

— Да.

Белова сверила номер с тем, который дал Каретников. Затем попросила Аллу никому не пересылать сообщения и не удалять журнал вызовов.

— Я веду архив, а не уничтожаю его, — сказала Алла.

— Сегодня это полезная привычка. Но фотографии из технической комнаты, имена жильцов и наши вопросы в общий чат не отправляйте.

— Я не была внутри.

— Тем более не пересказывайте то, чего не видели.

Алла перевела взгляд на Ивана. Он ожидал вопроса об августовском акте. Она промолчала, и это молчание оказалось неприятнее упрёка.

Когда её отпустили, Белова передала Ивану список квартир, жильцы которых могли видеть арку с пяти до восьми вечера. Опрос следовало начать утром: сейчас половина окон погасла, родители укладывали детей, а пожилые жильцы уже успели обсудить находку в домовом чате. Чем дольше ждали, тем больше люди запоминали не собственный взгляд, а чужое сообщение.

— Дамира Юсупова найдите сегодня, — сказала Белова. — Каретников утверждает, что тот приносил заказ в офис около шести.

— Я видел его здесь днём. Он живёт во втором корпусе.

— Не опрашивайте один. Передайте оперативникам адрес и телефон.

— Почему?

— Потому что у него мог быть контакт с погибшей. И потому что вы уже участник истории с актом. Пока это не мешает вам работать как участковому, но границы будем держать чистыми.

Ивану хотелось возразить, что именно он знает Дамира и добьётся от него ответа быстрее. Потом вспомнил свой августовский обход: быстрее уже получилось.

— Передам.

В коридоре зазвонил его служебный телефон. На экране высветилось: «Зорин Сергей Викторович».

Начальник не поздоровался.

— Ты где?

— В управляющей компании. Белова заканчивает первичные опросы.

— Через двадцать минут будь в отделе. Со своим журналом за август.

— Журнал в кабинете.

— Поэтому и будь.

Зорин отключился.

В отдел Иван приехал в начале одиннадцатого. Дежурный уже знал про пустой архив камер и смотрел на него с тем осторожным интересом, с каким в маленьком коллективе встречают человека, чья фамилия внезапно попала в чужой материал. На столе Ивана лежала записка: «Миша звонил на городской». Сын знал номер дежурной части и пользовался им только тогда, когда отец не отвечал долго.

Иван сначала набрал Мишу.

— Ты где? — спросил сын.

— В отделе. Прости, что не позвонил в восемь.

— Уже одиннадцать.

— Знаю.

— Бабушка сказала, у вас там убили кого-то.

— Погибла женщина. Я не могу рассказывать подробности.

— Я не спрашивал подробности. Ты придёшь?

Иван посмотрел на закрытую дверь кабинета Зорина.

— Сегодня поздно. Модель не трогай, завтра соберём крыло.

В трубке помолчали.

— Ты в прошлый раз тоже сказал «завтра».

— Тогда давай не обещать время. Утром позвоню и скажу, когда освобожусь.

— Ладно.

Это «ладно» означало не согласие, а конец разговора. Иван убрал телефон и нашёл старую тетрадь в нижнем ящике. Августовская запись занимала одну строку между ссорой из-за парковки и заявлением о пропавшем велосипеде: «Речной, совместный обход камер, 4 шт., замечаний нет». Справа стояла галочка.

Ни фамилии инженера, ни номера акта, ни указания, что архив не проверялся.

Зорин вызвал его через пять минут. Начальник сидел без кителя, в белой рубашке с закатанными рукавами. На подоконнике остывала открытая банка энергетика. Перед ним лежала распечатанная фотография акта — Каретников уже успел кому-то её отправить.

— Рассказывай, — сказал Зорин.

Иван повторил то же, что говорил Беловой: живое изображение, обход четырёх точек, телефонный разговор с диспетчером, отсутствие проверки архива, целая пломба.

— То есть камеры работали.

— Изображение было.

— Не начинай. Тебя пригласили проверить обзор, ты проверил обзор.

— В акте написано про исправность системы.

— А ты специалист по накопителям?

— Нет.

— Вот и не бери на себя чужую работу. Там есть подписи инженера и директора. Пусть объясняют, где их диски.

Зорин подвинул фотографию к Ивану и постучал пальцем по трём фамилиям.

— Сейчас главное — смерть женщины. Дверь открыта, сумка вывернута, телефона нет. По двору ходят курьеры с общим кодом. Нормальная рабочая версия — вошёл чужой, увидел её одну, ударил, забрал телефон. Камеры — технический недостаток, который осложняет поиск. Не надо делать из недостатка причину убийства.

— Сумка не вывернута. Она раскрыта, кошелёк на месте.

— Телефона нет?

— Нет.

— Значит, мог взять то, что можно быстро продать.

— Мог. Но Нина назначила встречу из-за документов по охране и камерам.

Зорин откинулся на спинку кресла.

— Кто сказал?

— Рубцова. Есть звонки и сообщение.

— Рубцова каждый месяц назначает войну управляющей компании. Не строй дело на словах председательницы дома.

— Я не строю. Белова зафиксировала телефон.

— Вот Белова пусть и проверяет. А ты завтра собираешь внешних: доставки, такси, ремонтников, всех, кто входил по общему коду. Без выступлений перед жильцами про неработающие камеры. Пока специалист не вскрыл сервер, никто не знает, когда исчезли диски.

Иван положил тетрадь на стол и открыл нужную страницу.

— Моя отметка. «Замечаний нет».

Зорин прочитал, закрыл тетрадь и вернул её.

— Обычная запись. Не приговор.

— Она подтверждает только то, что я ничего не отметил.

— Чернов, ты сейчас хочешь быть честнее всех или помочь раскрыть преступление?

— Одно другому не мешает.

— Мешает, если ты с первой ночи расскажешь дому, что полиция четыре месяца назад благословила пустой ящик. Завтра они будут обсуждать нас, а не женщину. Свидетели начнут припоминать, как им не ответили на жалобу о лавочке, и каждый опрос превратится в собрание. Сначала факты. Потом выводы.

Зорин говорил спокойно. В его словах была практическая правда: жильцы уже связывали смерть Нины с каждой старой претензией к управляющей компании, а шум мог утопить полезные сведения. Но Иван слышал и другое: если камеры окажутся пустыми с момента установки, августовская подпись станет не технической мелочью, а удобной крышкой. Начальник хотел удержать её закрытой хотя бы до тех пор, пока появится другая понятная версия.

— Объяснение Беловой я уже дал, — сказал Иван.

— И правильно. В материале должно быть точно: проверял обзор, в шкаф не лез, полномочий вскрывать пломбу не имел. От себя не добавляй, что система никогда не работала. Ты этого не знаешь.

— Не знаю.

— Тогда свободен. Утром список внешних посетителей мне на стол.

У двери Иван остановился.

— Сергей Викторович, кто со стороны отдела утверждал форму совместного обхода?

Зорин прищурился.

— Сейчас это зачем?

— Чтобы понять, что мы должны были проверять.

— Завтра поднимем распоряжение. Ночью ты его не улучшишь.

Иван вышел, не споря.

Белова позвонила, когда он переписывал августовскую строку на отдельный лист для приложения к объяснению. Криминалист закончил первичный осмотр. У Нины не нашли телефона и связки рабочих ключей, которые, по словам Каретникова, она носила в боковом кармане сумки. Кошелёк, банковские карты и наличные остались. На пальто не было дождевых капель, кроме нескольких у плеча — они могли попасть уже после открытия двери. Подошва второй туфли тоже оказалась сухой, в протекторе застряла светлая крошка. Точную природу крошки установят позже.

— Время смерти пока широкое, — сказала Белова. — Врач осторожно даёт промежуток между половиной шестого и половиной восьмого. Завтра будет яснее. Видимое повреждение на затылке могло возникнуть от удара, но причину не пишем до исследования.

— У порога что-нибудь есть?

— Смесь следов. Ваши, девочки, медиков. Один частичный отпечаток на сухом участке, размер пока не определили. И белая пыль на трубе и рукаве Нины. Взяли образцы.

— Дверь взломана?

— Нет. Замок исправен. Она либо была не заперта, либо открыта ключом. Каретников обещал утром список экземпляров.

— Рабочие ключи Нины пропали.

— Да. Но не делайте из этого готовый маршрут. Мы ещё не знаем, был ли среди них ключ от синей двери.

Иван записал каждую фразу. Раньше он доверился бы памяти до утра. Теперь рядом с пунктом о ключах поставил вопросительный знак и приписал: «Состав связки подтвердить отдельно».

— Юсупова нашли? — спросил он.

— Оперативники едут к нему. Мать сказала, что он на доставке до полуночи. Телефон выключен. Вы когда видели его?

— Около пяти, точнее посмотрю по звонку заявительницы. Он вошёл в первый корпус с большим бумажным пакетом. На куртке были дождевые пятна.

— В первый корпус? Каретников сказал, что заказ принесли в офис второго.

— Дамир побежал к лифту первого. Адрес на экране закрыл. Я видел только общий код в комментарии.

Белова помолчала.

— Это внесите в дополнительное объяснение. И не звоните ему сами.

После разговора Иван разложил на столе два листа. На одном была августовская отметка: четыре камеры, замечаний нет. На втором — сегодняшние факты: четыре камеры показывают двор, общий объём архива равен нулю, пломба цела, Нина пришла в комнату с сухими подошвами, кошелёк остался, телефон и ключи исчезли. Между листами лежали четыре месяца, в которые любой житель считал красный огонёк обещанием записи.

Иван не знал, связано ли это обещание со смертью Нины. Зорин был прав хотя бы в одном: такой связи ещё никто не доказал. Но отделить технический недостаток от убийства одним распоряжением тоже было нельзя. Нина собиралась говорить об охране и камерах, а умерла за дверью, которую эти камеры должны были помнить.

Он завёл новую страницу в тетради и впервые записал не вывод, а границы того, чего не знал.

«Архив: наличие ранее не подтверждено. Диски: установить после вскрытия. Ключ Нины от технической комнаты: не подтверждено. Путь с улицы: не подтверждён. Одежда и обувь сухие после дождя».

Внизу добавил время звонка Беловой и её фамилию.

За окном отдела темнела Вязовка. В старом посёлке на воротах не горели красные огоньки, зато люди знали, чья машина проехала после полуночи. В «Речном квартале» техника создавала уверенность, а память оставалась у тех, кто смотрел из окон.

Иван закрыл тетрадь. Утром ему предстояло спрашивать людей не о том, кого они считают убийцей, а о простых вещах: когда начался дождь, кто держал дверь, какой пакет нёс курьер, горел ли свет над аркой. Из таких ответов нельзя было сразу составить быстрый отчёт.

Зато их можно было проверить.

Глава 3. Чистая подошва

В семь утра дождь остался только в водостоках. Вязовка просыпалась медленно: у магазина разгружали хлеб, из труб старых домов поднимался дым, на остановке стояли трое школьников. У «Речного квартала» уже работала поливальная машина. Щётка гнала вдоль бордюра серую воду, стирая вчерашнюю грязь.

Иван остановил водителя у арки.

— Внутрь двора не заезжайте.

— У меня маршрут, — сказал тот через приоткрытое окно. — Потом машины наставят.

— Здесь осмотр. Развернитесь у второго корпуса.

Водитель показал на чистую полосу позади машины.

— Я уже половину прошёл.

Иван записал время и попросил его назвать участок, который успели вымыть. Вчера он просто запомнил бы серую машину. Сегодня сфотографировал щётку, мокрую полосу и номер путевого листа.

У синей двери дежурил молодой оперативник Колесников. Он кутался в куртку и пил кофе из бумажного стакана.

— Никого не пускал, — сообщил он. — В шесть сорок пять приходил слесарь, хотел снять показания. Отправил за письменным распоряжением.

— В журнал внёс?

— Вот.

На листе было две строки: смена дежурных и слесарь. Иван поставил время своего прихода и расписался. За лентой бетон у порога высох неравномерно. Там, где вчера топтались медики, остались тёмные разводы. В глубине помещения пол был светлее.

Белова приехала вместе с криминалистом Марком Левиным и специалистом по камерам. Специалиста звали Артём Кузнецов — тот самый человек, который говорил с диспетчером по телефону. Он оказался худым мужчиной лет тридцати в куртке с названием монтажной фирмы на спине.

— Я эту систему не ставил, — сказал он сразу. — Нас вызвали на обслуживание в марте. Питание поправили на второй камере и программу обновили.

— Накопители видели? — спросила Белова.

— Если бы вскрывали регистратор, была бы запись в акте.

— А пломбу кто поставил?

Артём посмотрел на фотографию.

— Не наша. Мы пломбами управляющей компании не пользуемся.

Белова попросила его не делать выводов до осмотра. В диспетчерской уже ждали двое понятых — пенсионер из третьего корпуса и продавщица круглосуточного магазина. Каретников пришёл в том же пальто, что вчера, только волосы были сухими и аккуратно зачёсаны.

— Главный инженер заболел, — сообщил он. — Давление. Я уполномочен присутствовать.

Пломбу сфотографировали, номер и подпись переписали. Артём разрезал бумажную полоску и снял крышку регистратора. Внутри под слоем пыли лежала плата, шли провода, вращался маленький вентилятор. Два места для жёстких дисков были пусты. На одном креплении сохранилась заводская наклейка, которую пришлось бы сорвать при установке.

— Здесь дисков не было, — сказал Артём.

— Никогда? — спросил Каретников.

— На этом креплении — точно. На втором следов винтов тоже не вижу. Но окончательно пусть эксперт смотрит.

— Может, запись шла в облако?

— Эта модель умеет отправлять уведомления, не полный архив. И сетевого хранилища в настройках нет.

Белова продиктовала состояние креплений и попросила специалиста изъять системный журнал так, чтобы не изменить данные. Иван стоял у двери. На мониторе по-прежнему были четыре живые картинки. Красные точки в углу мигали, как и в августе.

— Что означают эти значки? — спросил он.

Артём подошёл ближе.

— Камера передаёт поток. Не то, что поток записывается. Для записи рядом должен быть значок диска.

— Его нет?

— Нет.

Каретников вынул телефон.

— Я вызову нашего юриста. Система принималась у застройщика, управляющая компания не обязана отвечать за скрытые недостатки оборудования.

— Вызывайте, — сказала Белова. — Только из комнаты пока не выходите. После осмотра объясните, кто распорядился поставить пломбу и на основании чего подписывались ежемесячные акты обслуживания.

— У нас не ежемесячные акты.

— Тем лучше. Быстрее перечислите все.

Иван не стал напоминать о своей подписи. Пустые крепления уже сказали больше, чем его августовская строка. Камеры не потеряли память вчера. У них её не было с момента сборки регистратора — по крайней мере, на этом устройстве.

Пока Белова оформляла изъятие, Левин позвал Ивана к технической комнате.

— Покажите, где вы вчера шли.

Иван остановился за лентой.

— Сначала до тела вдоль правой стены. Потом назад тем же путём. Точный след отмечен на схеме.

— А девочка?

— Наклонилась с порога, подняла мяч. Говорит, внутрь ногами не заходила.

— Медики здесь, здесь и здесь. Остальное смазано. Но меня сейчас другое интересует.

Левин положил на бетон возле двери белую пластиковую линейку. С внешней стороны на полу лежали мелкие песчинки, тёмная земля и обрывок травинки. В метре от порога грязь исчезала. Вдоль трубы тянулась полоса светлой пыли.

— Если человек вошёл со двора после дождя, он оставил бы мокрый след хотя бы здесь, — сказал криминалист. — Не обязательно полный отпечаток. Воду, песок, что-нибудь.

— Мог вытереть ноги.

— Мог. О коврик, которого нет. Или тряпкой, которую потом унёс. Но у погибшей обе подошвы чистые и сухие. Она тоже вытирала каждую туфлю перед тем, как лечь на пол?

— Дождь начался когда?

— Метеостанция даёт восемнадцать ноль четыре. По двору уточняйте у людей. До этого моросило местами.

Иван открыл тетрадь. Промежуток смерти начинался в половине шестого. Нина могла войти до сильного дождя. Но Алла ждала её после семи, а Каретников говорил, что та ушла из офиса в половине шестого. Если Нина пришла сюда сразу, зачем почти полтора часа не появлялась у лифта? Если позже — почему обувь сухая?

Левин показал прозрачный пакет с туфлёй. Протектор был неглубоким. В двух бороздках застряли белые крупинки, похожие на крошки мела.

— Такая же пыль на рукаве?

— На вид похожа. Сравнят в лаборатории. Не называйте её строительной, пока не получили результат.

— В комнате стоит сухая смесь.

— Стоит. Мешок закрыт, сверху пыль другого оттенка. Иногда белое — это штукатурка, иногда соль с бетона, иногда наполнитель из потолочной плиты. Ваша задача — найти место, а не угадать название.

Иван присел у порога. Официально у комнаты был один вход — со двора. Слева за стеной находился паркинг, справа шли помещения первого корпуса. На плане эвакуации возле лифта техническая комната обозначалась маленьким серым прямоугольником. Второй двери не было.

— Можно осмотреть стены? — спросил он.

— Снаружи — да. Внутри после меня и только по согласованию с Беловой.

Стена, обращённая к паркингу, была закрыта трубами и металлическим шкафом. На другом конце стояли банки с краской и мешки. Иван вспомнил слова Аллы: у этой стены всегда дует. Сейчас дверь была открыта, и направление воздуха понять было невозможно.

— Закроем на минуту? — спросил он.

Левин разрешил после того, как сфотографировал положение вещей. Оперативник прикрыл синюю дверь. Лампа загудела. Воздух в комнате стал неподвижным, но через несколько секунд Иван почувствовал холод у левой щеки.

— Здесь, — сказал он.

Возле металлического шкафа висела узкая полоса полиэтилена, оставшаяся от упаковки труб. Её нижний край едва заметно шевелился.

Левин снял движение на видео и поднёс тонкую бумажную полоску. Та отклонилась к комнате.

— Воздух идёт из-за шкафа или из кабельного канала. Это ещё не дверь.

— По ту сторону паркинг?

— По вашему плану — да.

Они вышли, не двигая шкаф. Для разборки требовалось разрешение следователя и представитель собственника помещения. Белова выслушала их и попросила сначала проверить обычные пути. Скрытый проход звучал заманчиво, а заманчивые версии заставляли людей переставать смотреть по сторонам.

— Начните с паркинга, подъездов и офиса, — сказала она. — Если Нина прошла по сухому коридору, нам не нужна тайная дверь.

Каретников дал магнитный ключ от паркинга. Он хотел пойти с ними, но Белова оставила его давать объяснение об оборудовании. Алла ждала у шлагбаума с термосом и прозрачной папкой.

— Меня не пускают домой через собственный двор, — сказала она.

— Через второй подъезд можно, — ответил Иван.

— Можно. А здесь полицейская машина перегородила тротуар.

Иван попросил водителя переставить машину. Алла протянула ему одноразовый стакан.

— Кофе?

— Потом. Вы вчера сказали, что у стены дует. Где именно?

— В паркинге за первым рядом мест. И в технической комнате, когда дверь открывают. Я туда один раз заходила со слесарем из-за течи.

— Когда?

— В феврале. Есть заявка.

— Что видели?

— Трубы, шкаф, мешки. Никакого прохода, если вы об этом.

— Я спрашиваю только, что видели.

Алла посмотрела на него поверх стакана.

— Вы быстро учитесь словам вашей следовательницы.

— Полезные слова.

Паркинг занимал нижний уровень под двумя корпусами. Въезд шёл под уклон, по стенам тянулись чёрные полосы от колёс. Утренний воздух пах влажным бетоном и бензином. Ночью здесь могли проехать машины, поэтому чистых следов ожидать не стоило.

Иван и Колесников прошли вдоль стены, за которой находилась техническая комната. Номера мест начинались с одиннадцатого и заканчивались девятнадцатым. Между пятнадцатым и шестнадцатым стоял высокий короб, закрывавший трубы. На серой краске виднелись свежие светлые потёртости.

— От бампера? — предположил Колесников.

— Слишком высоко.

Они ничего не трогали. Иван сфотографировал короб с общей точки и крупно, положив рядом линейку. Внизу была вентиляционная решётка. От неё шёл слабый поток воздуха.

— Вот и сквозняк, — сказал оперативник. — Канал выходит в ту комнату.

— Возможно.

За коробом не было видимой двери. Стена продолжалась до служебного коридора. Коридор упирался в кладовую уборочного инвентаря, затем поворачивал к лифтовому холлу второго корпуса. Нина могла выйти из офиса, спуститься на лифте и дойти сюда под крышей. Но попасть из паркинга в техническую комнату по официальному плану не могла.

Они прошли маршрут дважды. Первый раз обычным шагом, второй — отмечая двери и камеры. Камера у въезда показывала только спуск. Камера лифтового холла была частью той же пустой системы. Электронный замок служебной двери хранил последние события, но дисплей показывал неверную дату — январь 2018 года.

— Журнал можно выгрузить? — спросил Иван у подошедшего инженера УК.

— Наверное. Нужна программа.

— Кто её обслуживает?

— Подрядчик застройщика. Или уже другой подрядчик. Я уточню.

— Напишите название и контакты сегодня до двенадцати.

Инженер поморщился.

— Я могу Каретникову сказать.

— Скажите и ему. Мне передайте письменно.

В лифтовом холле второго корпуса пол был выложен светлой плиткой. Утром его вымыли. Уборщица Нина Петровна — Каретников называл её просто «уборщица», пока Иван не попросил фамилию — сказала, что вчера мыла в четыре часа, а сегодня начала в шесть двадцать.

— Вечером грязно было? — спросил Иван.

— После дождя всегда грязно.

— На каком участке?

— У лифта, от паркинга. Люди идут к машинам.

— Следы женских туфель заметили?

— Я что, на каждый каблук смотрю?

— Белую пыль?

Уборщица задумалась.

— Возле служебной двери было натоптано светлым. Я решила, рабочие гипс носили.

— Когда увидели?

— Сегодня утром.

— До мытья сфотографировали?

— Зачем мне грязь фотографировать?

Иван не стал укорять её. Спросил, куда вылила воду и сохранилась ли насадка швабры. Насадка лежала в ведре в кладовой. Белова распорядилась изъять её отдельно, хотя шанс получить полезный образец после моющего средства был невелик.

— Кто велел начать уборку в шесть двадцать? — спросил Иван.

— Как всегда по графику.

— Каретников не звонил?

— Звонил в шесть. Сказал особенно хорошо вымыть входы, потому что полиция и жильцы натоптали.

Колесников перестал писать и переспросил:

— В шесть утра директор позвонил именно про входы?

— Да. Он часто звонит. Ему всё грязно.

Иван записал точную фразу. Распоряжение могло быть обычной заботой о виде комплекса после ночной толпы. Могло быть попыткой уничтожить следы. Пока это были два объяснения одного звонка.

У офиса УК пол оказался сухим. Оттуда существовало два официальных маршрута к технической комнате. Первый — выйти на улицу, пересечь двор и войти через синюю дверь. Второй — спуститься в паркинг, пройти служебный коридор, подняться в первом корпусе, выйти во двор и снова подойти к синей двери. В обоих случаях последние метры проходили под дождём.

Иван засёк каждый путь. Короткий занимал три минуты сорок секунд. Длинный — почти девять. Ни один не объяснял сухих туфель.

Возле первого подъезда его ждала Лидия Тихоновна Брагина. Маленькая женщина в вязаной шапке держала хозяйственную сумку и явно не собиралась уходить, пока её не выслушают.

— Я вчера в списке у Аллы расписалась, — сообщила она. — В окно видела двор.

— В какое время?

— С шести до новостей. Потом тоже смотрела.

— Что именно видели сами?

— Курьера видела. Жёлтого. Он сначала вошёл в первый подъезд, потом через двадцать минут вышел со стороны арки.

— Со стороны арки или из арки?

— Вот вы придираетесь. Из-за угла показался.

— Из синей двери мог выйти?

— Дверь я не вижу, её козырёк закрывает. Он показался там, где арка.

— Пакет был?

Лидия Тихоновна прищурилась, будто снова смотрела с четвёртого этажа.

— Когда вошёл — большой бумажный. Когда вышел — не заметила. Руки в карманах были или телефон держал.

— Время помните по часам?

— Вошёл перед прогнозом погоды. Я телевизор громко слушала, окно открывала проверить, идёт ли дождь. Это без десяти шесть или около того. Вышел, когда дождь уже начался.

— Сильный?

— Сначала мелкий. Сильный после шести был.

— Нину Сафронову видели?

— Во двор не выходила. Я её знаю. Она ходит быстро, сумку у локтя держит. Не было её.

— А других людей у арки?

— Мужчина в тёмном капюшоне курил. Может, наш жилец, может, нет. Лица не видела. Машина доставки подъезжала. Девушка с собакой два раза прошла.

Каждый ответ добавлял людей и не давал маршрута Нины. Иван попросил Лидию Тихоновну не обсуждать время с соседями до официального опроса. Она обиделась.

— Я не сплетничаю. Я сверяю.

— Вот пока не сверяйте. Нам нужно знать, что помните вы, а не весь подъезд вместе.

— Весь подъезд иногда видит лучше полиции.

— Иногда. Но говорит потом одним голосом.

Лидия Тихоновна ушла, пообещав найти записанную телепрограмму. Иван отметил две новые проверки: время прогноза и положение её окна. Показание о Дамире было важным, но пока неточным. Курьер мог выйти из первого корпуса через обычную дверь, скрытую от её обзора тем же углом.

К полудню Белова собрала всех у плана эвакуации в первом подъезде. На ламинированном листе были показаны лестницы, лифты, выходы и красные стрелки. Техническая комната обозначалась тупиком.

— Официальные маршруты прошли, — доложил Иван. — Из офиса к синей двери только через улицу. После начала дождя обувь должна намокнуть. В паркинге есть служебный коридор, но прямого входа в комнату на плане нет. За стеной возле мест пятнадцать и шестнадцать — короб с вентиляционной решёткой и свежими потёртостями. Уборщица видела утром светлую пыль у служебной двери, затем вымыла пол по звонку Каретникова.

Каретников, стоявший рядом с юристом, вскинул голову.

— Я велел убрать последствия ночного проходного двора. Это моя работа.

— Ваше объяснение записано, — сказала Белова. — Иван Андреевич, время дождя?

— Сильный начался около восемнадцати ноль четыре по ближайшей станции. Мелкий жильцы отмечают раньше. Уточняем по звонкам и фотографиям. Нина могла войти до дождя, но тогда остаётся промежуток до встречи после семи. На улице её пока никто не видел.

— Камеры соседних магазинов?

— Запросили. Они берут въезд, не двор.

Юрист Каретникова указал на план.

— Сквозняк объясняется вентиляцией. Не следует создавать версию о тайных проходах в современном доме.

— Мы ещё не создали версию, — ответила Белова. — Мы видим, что официальный путь не объясняет физический след. Поэтому проверим стену законным осмотром.

Каретников провёл пальцем по серому прямоугольнику технической комнаты.

— Дом принят пять лет назад. Все конструкции соответствуют исполнительной документации.

— Тогда документация быстро снимет вопрос. Предоставьте поэтажные планы, план паркинга, акты перепланировок и кабельные схемы.

— Они в архиве застройщика.

— Вчера вы сказали, что архив у Нины в офисе.

— Бухгалтерский архив. Строительный передавался не полностью.

Алла, которую пригласили подтвердить расположение жалоб, тихо сказала:

— Когда жильцы просили план паркинга из-за сквозняка, вы ответили, что документов достаточно.

— Совет дома не имеет права требовать служебные схемы безопасности.

— Сквозняк теперь тоже безопасность?

Белова остановила спор и попросила Аллу передать копию ответа. Та вынула его из папки сразу, словно знала, какая бумага понадобится.

Иван снова посмотрел на план. Красные стрелки уверенно вели людей к выходам, серые стены отделяли одно помещение от другого. Такой лист висел на каждом этаже, и никто не

сомневался, что дом устроен именно так. Камеры тоже выглядели убедительно, пока не потребовалась запись.

— Откуда этот план? — спросил он.

Инженер УК пожал плечами.

— Застройщик передал файл. Мы печатаем по необходимости.

— Он исполнительный или рекламный?

— Эвакуационный.

— На основании какого чертежа сделан?

— Надо смотреть свойства файла.

Иван сфотографировал нижний угол листа. Там мелко стояла дата, но не было номера чертежа.

Белова разрешила снять металлический короб в паркинге после того, как Левин закончит фиксацию. За решёткой обнаружился обычный вентиляционный канал. Он уходил в стену и объяснял движение воздуха в технической комнате, но пройти через него не смог бы даже ребёнок. Свежие потёртости оставили крепления решётки: её недавно снимали для чистки.

Колесников разочарованно выдохнул.

— Значит, тупик.

— Значит, здесь не прошли, — сказал Иван.

Они вернулись к синей двери. Полуденное солнце показалось между облаками, и мокрая плитка во дворе заблестела. Иван положил рядом две фотографии: подошва Нины с белой крошкой и официальный план с замкнутой стеной.

Одна улика говорила, что женщина пришла из сухого помещения. Документ говорил, что сухого пути нет.

Оба не могли быть правы одновременно.

Иван записал новый вопрос: «Какой план показывает дом таким, каким его построили?»

Рядом поставил второй: «Кто видел Нину между 17:30 и 19:30?»

До ответа чистая подошва была не доказательством тайного хода и не красивой загадкой. Она была границей. За ней кончались привычные маршруты, которыми управляющая компания предлагала объяснить вечер Нины.

И начинался дом, которого не было на стене.

Глава 4. Последняя доставка

Дамир Юсупов пришёл в отдел не один. Рядом с ним сидела мать — маленькая женщина в сером пуховике, застёгнутом до подбородка, хотя в коридоре было душно. Она держала на коленях его жёлтую курьерскую сумку так, будто сумку тоже вызвали для объяснений и могли отобрать.

Сам Дамир смотрел не на Ивана, а на закрытую дверь кабинета Беловой. Вчера во дворе он говорил быстро, перебивая вопросы. Сегодня отвечал коротко и всякий раз прежде поглядывал на мать.

— Мы сами пришли, — сказала она. — В повестке было к десяти, мы без пяти здесь были.

— Вижу, — ответил Иван. — Спасибо, что не опоздали.

— Он ничего не делал.

— Я пока не сказал, что делал.

Женщина прижала сумку крепче. Дамир тихо попросил:

— Мам, дай её мне.

— Сиди.

Иван не стал продолжать разговор в коридоре. Официальный опрос проводила Белова, его пригласили как человека, который видел Дамира у первого подъезда и первым записал его объяснение. В кабинете следовательница поставила на стол телефон экраном вниз, включила компьютер и назвала время начала. Матери объяснила, что Дамир совершеннолетний и присутствовать она может только с его согласия. Дамир согласился сразу.

— Только пусть она не отвечает вместо вас, — сказала Белова. — Иначе придётся попросить выйти.

Мать кивнула. Жёлтую сумку она всё-таки отдала сыну. Он поставил её между ботинками.

Белова начала с простого: имя, адрес, работа, номер телефона. Затем попросила рассказать весь вчерашний день с момента получения заказа для «Квартал-Сервиса». Не задавала вопросов и не поправляла. Иван открыл тетрадь на чистой странице.

— Заказ пришёл без двадцати шесть, — сказал Дамир. — Ну, примерно. Из кофейни у остановки. Два салата, суп и чай. Получатель — Олег, офис управляющей компании. Я взял и понёс.

— Дальше, — сказала Белова.

— Зашёл во второй корпус. Офис там. Отдал пакет секретарю. Она сказала поставить у двери, потому что директор разговаривал. Я поставил. Потом ушёл.

— Куда?

Дамир впервые поднял глаза.

— Домой.

— Расскажите путь до дома.

— Вышел из второго корпуса, прошёл через арку, потом к своему подъезду. Я в третьем живу.

Белова напечатала несколько строк.

— Это всё?

— Всё.

— Вы уверены, что хотите оставить рассказ в таком виде?

— А что не так?

— Я пока не оцениваю. Иван Андреевич, где вы видели Дамира Юсупова?

Иван прочитал вчерашнюю запись, не добавляя интонации:

— В семнадцать сорок восемь, плюс-минус две минуты, у лифта первого корпуса. На Юсупове была жёлтая куртка, за спиной сумка, в правой руке большой бумажный пакет. Он назвал код домофона и сказал, что несёт заказ в офис управляющей компании.

— Я мог корпус перепутать, — быстро сказал Дамир. — Вошёл не туда, понял и перешёл.

— Вчера вы мне этого не сказали, — заметил Иван.

— Вы не спрашивали.

Иван нашёл точную строку.

— Я спросил: «Почему в первом, если офис во втором?» Вы ответили: «Срезаю через паркинг».

Мать повернулась к сыну.

— Какой ещё паркинг?

— Мам, ничего.

Белова положила перед Дамиром распечатанный план двора. Не тот, что висел у лифта, а простой лист с тремя корпусами и дорожками.

— Покажите, где вошли, куда пошли и где вышли.

Дамир взял карандаш. Кончик завис над первым корпусом, потом двинулся к арке.

— Здесь вошёл. Поднялся на первый этаж… то есть там и так первый. Потом понял, что ошибся. Вышел и пошёл сюда.

— Через ту же дверь?

— Да.

— Иван Андреевич оставался у лифта около пяти минут после вашего разговора, — сказала Белова. — Он не видел, как вы вернулись. Лидия Тихоновна Брагина наблюдала двор из окна. Она видела, как вы вошли с пакетом, а примерно через двадцать минут показались у арки без него. Из какой двери вы вышли?

— Не помню.

— Вы только что показали ту же дверь.

— Значит, через другую. Там всё соединено.

— Что именно соединено?

— Подъезды. Паркинг. Я не знаю, как называется.

Дамир крутил карандаш между пальцами. На среднем пальце у него была тёмная полоска, будто от машинного масла, въевшегося в кожу. Белова дала ему время. В тишине за стеной зазвонил телефон, кто-то дважды прошёл по коридору.

— Вы доставили еду Олегу Каретникову? — спросила она.

— Да.

— Лично ему?

— Секретарю.

— Как её зовут?

— Не знаю. Светлая, с короткими волосами.

— Вчера секретарь «Квартал-Сервиса» ушла в семнадцать десять. Это подтверждают её проездной и журнал выхода. После неё в приёмной оставались Нина Сафронова и Олег Каретников. Кому вы отдали пакет?

Дамир перестал крутить карандаш.

— Там женщина была.

— Какая?

— В очках. Тёмные волосы.

— Где именно?

— В кабинете.

— В каком корпусе?

Он молчал.

Мать поставила ладонь на край стола.

— Дамир, скажи нормально. Ты же каждый день туда ходишь.

— Не каждый.

— Через день бегаешь.

— Мам.

Белова мягко, но сразу остановила их:

— Разговоры между собой после. Сейчас отвечает Дамир. Вы видели Нину Сафронову вчера?

— Видел.

— Живой?

— Конечно живой. Она сама дверь открыла.

Иван отметил время ответа. Дамир впервые перестал выбирать слова и ответил с возмущением, будто вопрос был глупым.

— Какую дверь? — спросила Белова.

— Обычную.

— В офис?

— Нет.

Дамир посмотрел на мать. Та уже не пыталась вмешиваться. Лицо у неё стало усталым, не испуганным.

— Я не хочу, чтобы из-за этого нас выселили, — сказал он.

— Из-за чего именно?

— Я ничего ей не делал.

— Тогда не заставляйте нас отделять это от ваших выдумок. Какую дверь открыла Нина Сафронова?

— Кладовую в первом корпусе.

Он произнёс это тихо, и всё же мать услышала.

— Ты обещал туда не ходить.

— Я только вещи держу.

— Какие вещи?

— Инструменты.

Белова попросила объяснить с самого начала. Теперь рассказ пошёл иначе.

Дамир получил заказ в 17:37 — точное время сохранилось в приложении. Но получателем был не Каретников. Заказ оформили на имя Нины Сафроновой, указав в примечании: «Первый корпус, у лифта, позвонить». Номер клиента заканчивался на те же четыре цифры, что номер Нины в списке жильцов. Дамир знал её и до звонка: она несколько раз видела, как он носил в кладовую коробки, и однажды потребовала освободить помещение.

— Почему вчера вы назвали офис? — спросил Иван.

— Потому что она из УК. И потому что официально кладовой нет.

— Если её нет, как в неё попасть?

— Дверь есть. Номера нет.

— Где?

Дамир показал на плане первый корпус, но не у лифта, где его видел Иван. Провёл карандашом к лестнице, затем в короткий служебный коридор за электрощитовой.

— Здесь железная дверь. За ней маленькое помещение. Раньше строители хранили плитку. Потом всё вынесли.

— Чей у вас ключ?

— Ничей. Замок сломан. Там язычок отвёрткой поднимается.

Мать закрыла глаза.

— Он чинит велосипеды, — сказала она. — В квартире нельзя, соседи жалуются. Я говорила снять гараж.

— Денег на гараж нет, — ответил Дамир.

Белова попросила мать не оправдывать и не обвинять сына. Затем спросила, зачем Нина позвала его к кладовой.

— Я думал, опять будет ругаться, — сказал Дамир. — Она открыла и сказала забрать всё до утра. Там проверка или комиссия, не знаю. Я сказал, что у меня смена. Она ответила: «Сегодня, Дамир. Завтра поздно будет». Потом попросила подержать пакет.

— Какой пакет?

— С едой.

— Зачем?

— Ей позвонили. Она отошла к окну. Потом вернулась и взяла его.

— Вы доставили заказ ей в руки?

— Да.

— Время?

— В приложении есть. Я нажал «доставлено» в пять пятьдесят четыре.

— Что было дальше?

— Она ушла по коридору. Я открыл кладовую и стал вытаскивать инструменты.

— В какую сторону ушла Нина?

— К паркингу, наверное.

— Вы видели?

— Видел, что пошла не к лифту. Там поворот. Дальше не смотрел.

— Пакет был у неё?

— Был.

— Большой бумажный пакет, который Иван Андреевич видел у вас?

— Нет. Большой был мой.

В кабинете снова стало тихо.

Иван посмотрел на свои вчерашние записи. «Большой бумажный пакет» он написал со слов собственного глаза, но не проверил, был ли это заказ. Жёлтая куртка, курьерская сумка и бумажный пакет сложились в знакомую картинку раньше, чем он задал нужный вопрос.

— Что было в вашем пакете? — спросил он.

— Запчасти. Камеры для колёс, цепь, две коробки с тормозными колодками. Я их забрал из пункта выдачи до смены. Хотел отнести в кладовую.

— А заказ Нины?

— В маленьком пакете с ручками. Из кофейни.

— Вы сказали, что она взяла его с собой.

— Да.

— Лидия Тихоновна не заметила у вас большого пакета, когда вы вышли.

— Потому что я оставил запчасти в кладовой. Только инструмент забрал не весь. Потом дождь пошёл, я ушёл через паркинг и арку.

Белова развернула монитор так, чтобы Дамир видел строку заказа.

— Приложение подтверждает доставку Нине Сафроновой в 17:54. Кофейня подтверждает состав. Но на пакете, найденном сегодня утром у служебной лестницы, наклейка от другого заказа. Получатель — Максим Климов, квартира сто восемьдесят четыре. Время доставки — позавчера, двадцать один двенадцать. Вы доставляли этот заказ?

— Не помню.

— Посмотрите историю.

Дамир достал телефон. Белова попросила сначала положить его экраном вверх и разрешила открыть приложение при ней. Он долго листал список, дважды возвращался назад.

— Да. Я.

— Кому передали?

— Никому. Клиент написал оставить у двери.

— У какой двери?

— Сто восемьдесят четвёртой.

— Вы поднялись на этаж?

— Да.

— Квартира сейчас пустует. Максим Климов находится в командировке в Тюмени с начала недели. Он утверждает, что ничего не заказывал. Оплата прошла с чужого счёта. Кто пользовался его именем?

— Я не знаю.

На этот раз Дамир не отвёл глаза. Он выглядел не так, как в первые минуты, когда придумывал второй корпус и светловолосую секретаршу. Испуг остался, но стал другим: не страхом за кладовую, а растерянностью человека, который впервые увидел связь между привычной доставкой и чужой смертью.

— Код в подъезд вам прислали? — спросил Иван.

— В комментарии был общий. Тот же, который все знают.

— Дверь квартиры была закрыта?

— Да.

— Пакет оставили на коврике?

— Там нет коврика. Поставил справа, сфотографировал и ушёл.

— Фотография сохранилась?

— В приложении должна.

На снимке пакет стоял у серой двери. В нижней части кадра виднелась плитка и край стены. Белова попросила Дамира не пересылать изображение самостоятельно, а дождаться специалиста, который сохранит исходный файл вместе с данными о времени.

— Пакет, найденный сегодня, где лежал? — спросил Дамир.

— Пока это не ваш вопрос, — ответила Белова. — Опишите наклейку заказа Нины.

— Белая, длинная. Там обычно имя, номер и что внутри. Я не читал.

— Цвет пакета?

— Бежевый. С зелёной полосой снизу.

— Найденный такой же?

Белова достала фотографию, не сам пакет. На бетонном полу лежал смятый бежевый пакет с зелёной полосой. Бумага у дна потемнела от влаги, но сверху была сухой. Ручки оборваны. Наклейка читалась целиком: «Максим», номер заказа и время позавчерашнего вечера.

Дамир наклонился ближе.

— Кофейня одна и та же. Они такие пакеты всем дают.

— Поэтому мы не считаем пакет доказательством сам по себе, — сказала Белова. — Где вы видели его в последний раз позавчера?

— У сто восемьдесят четвёртой.

— А вчерашний?

— У Нины в руках.

— Она открывала пакет при вас?

— Нет.

— Был он тяжёлым?

— Обычным. Суп был, банка чая. Ручки натянулись.

— Найденный пуст. Следов еды внутри нет.

Иван посмотрел на фотографию. Если пакет позавчера забрали от двери пустой квартиры, его могли хранить и использовать вчера как оболочку. Но зачем менять наклейку на

доставке, которую никто не должен был искать? Или пакет вообще не имел отношения к Нине, а оказался у служебной лестницы вместе с остальным мусором?

— Кто нашёл? — спросил Дамир.

Белова не ответила. Вместо этого вернулась к его маршруту.

После разговора с Ниной он провёл в кладовой около пятнадцати минут. Сложил в большой пакет два насоса, набор ключей и старую втулку, которую обещал отдать знакомому. Запчасти оставил на полке. Когда вышел, Нины в коридоре не было. Дамир спустился в паркинг, прошёл к арке и оказался снаружи уже под дождём. До третьего корпуса добежал, прикрыв пакет курткой. Дома оставил инструменты, затем снова вышел на заказы.

— Время выхода из дома? — спросила Белова.

— Около половины седьмого.

— Следующий заказ принят в восемнадцать тридцать восемь у аптеки на Центральной. Пешком от вашего дома двенадцать минут. Успевали?

— Я на велосипеде.

— Велосипед где был?

— В третьем корпусе, под лестницей.

— Не в кладовой?

— Нет. Там только ремонтирую.

— Кто видел вас дома?

Дамир посмотрел на мать.

— Я была на работе, — сказала она прежде, чем Белова успела напомнить о правилах. — До девяти.

— Никто, — ответил Дамир. — Но приложение покажет. И в аптеке камера есть.

Это могло подтвердить только конец промежутка, не пятнадцать минут в кладовой. Иван записал: проверить вход в аптеку, движение заказа, географические отметки — если компания выдаст их законным запросом. Не считать телефон человеком, который видел.

— Что именно вы боялись потерять? — спросил он.

— Инструменты. И место. Если УК узнает, выставят счёт или заявление напишут. Там не только мои вещи.

— Чьи ещё?

— Не знаю.

— Вы только что сказали, что не только ваши.

— Там коробки стояли до меня. Дверные ручки, куски плитки, рулоны какие-то. Я не трогал.

— Кто ещё заходил?

— Слесарь иногда. Может, уборщики. Замка нормального нет.

— Нина чем открыла дверь?

— Отвёрткой. Моей. Она лежала сверху на коробе.

— Значит, она знала способ.

— Один раз видела, как я открывал.

— Когда?

— Летом.

Иван спросил, почему Нина потребовала убрать вещи именно до утра. Дамир повторил: «проверка или комиссия». Точной фразы не помнил. Потом добавил, что она всё время смотрела в телефон и дважды открывала список звонков. На экране высветилось имя без фамилии — «Олег».

— Она ответила? — спросила Белова.

— Первый раз сбросила. Второй отошла и сказала: «Я уже здесь». Потом ещё: «Нет, в офис не вернусь». Остального не слышал.

— Вы уверены в словах?

— В этих — да.

— Время звонка?

— Когда я пакет держал. Пять пятьдесят с чем-то.

В телефоне Нины этого проверить пока было нельзя: аппарат исчез. Но оператор мог дать соединения. Иван поставил рядом с записью не галочку, а вопросительный знак.

Белова закончила опрос через час сорок минут. Дамир согласился показать кладовую и добровольно передать телефон специалисту для копирования сведений о двух доставках. Перед подписью он прочитал каждую страницу. На третьей попросил заменить «прошёл в офис управляющей компании» на «сначала ложно сообщил, что прошёл в офис». Белова исправила формулировку.

В коридоре мать наконец вернула себе голос.

— Вот что бывает от чужих дверей, — сказала она сыну. — Всё мало тебе дома портить.

— Я деньги зарабатываю.

— На ремонте трёх велосипедов?

— Мам, не сейчас.

Она посмотрела на Ивана.

— Его заберут?

— Сейчас он едет показывать помещение, — ответил Иван. — Решения принимает следователь.

— Но вы же его знаете.

Вчера эта фраза показалась бы Ивану доводом. Он знал Дамира с четырнадцати лет: тот разбил окно в школе футбольным мячом, потом три месяца отдавал деньги за стекло; возил соседке лекарства; дважды получал штраф за езду без фонаря. Всё это ничего не говорило о двадцати минутах вчерашнего вечера.

— Поэтому и спрашиваю подробно, — сказал Иван.

Кладовую осматривали уже без матери. Дамир провёл Белову, криминалиста Левина и двух понятых за электрощитовую первого корпуса. Железная дверь была выкрашена той же серой краской, что стены, и без номера действительно казалась частью технического шкафа. Язычок замка Дамир поднял плоской отвёрткой. Белова велела ему остановиться после первого движения, дальше дверь открывал Левин в перчатках.

Внутри пахло резиной, железом и сырой штукатуркой. На полках лежали велосипедные камеры, банки со смазкой, коробки с плиткой и строительные обрезки. В дальнем углу стоял складной верстак. Белая пыль покрывала край нижней полки, но здесь она была серее той, что видели на фотографии туфель Нины.

— Мои вещи справа, — сказал Дамир. — Старые коробки слева.

— Ничего не трогайте, — напомнил Левин.

Следов еды и пакета не было. На полу у двери виднелись засохшие капли, дальше бетон оставался сухим. Из кладовой существовал один выход в коридор. За задней стеной, по плану, находилась лестничная клетка. Никакой связи с технической комнатой или паркингом помещение не давало.

— Нина вошла сюда? — спросила Белова.

— На пороге стояла. Вот здесь.

— Куда положила пакет, когда открывала дверь?

— Мне дала. Я держал.

— Потом забрала и пошла к паркингу?

— Да.

В служебном коридоре Иван увидел урну, наполовину заполненную рекламными листками и бумажными стаканами. Пакет нашли не здесь. Утренняя уборщица заметила его за две-

рью лестницы, ведущей вниз к паркингу, между стеной и трубой отопления. Место было сухим и почти не просматривалось из коридора. Пакет мог пролежать там с позавчерашнего вечера. Мог оказаться утром. Уборщица не помнила, проверяла ли угол накануне.

Левин измерил расстояние от кладовой до лестницы — двадцать семь шагов. Затем попросил Дамира пройти так, как ушла Нина. Тот дошёл до поворота и остановился.

— Дальше я не видел.

— Не добавляйте, — сказал Иван. — Покажите последнее место, где видели точно.

Дамир вернулся на два шага и указал на край стены.

Отсюда Нина могла повернуть к лестнице в паркинг. Могла войти в лифтовой холл. Могла вернуться другим коридором к офису. Пакет с её заказом нигде не нашли, а пакет с чужой наклейкой лежал на пути, который она могла выбрать.

Белова сфотографировала точку и велела получить записи внешних камер аптеки, данные двух заказов и соединения телефона Нины. Затем вызвала представителя УК для оформления доступа к кладовой.

Каретников пришёл через двадцать минут с инженером и юристом. Увидев открытую серую дверь, он сначала посмотрел на Дамира, потом на полки.

— Это помещение не предназначено для хранения личных вещей, — сказал он.

— Кому оно передано? — спросила Белова.

— Никому. Техническая ниша.

— На плане её нет.

— Такие ниши могут не обозначаться на эвакуационной схеме.

— А на поэтажном плане?

— Должна быть.

— План вы до сих пор не предоставили.

Каретников повернулся к инженеру.

— Почему?

— Архив ищут.

— Найдите сегодня.

Он говорил так, словно впервые услышал о запросе. Иван не стал спорить при Дамире. Спросил другое:

— Вы знали, что Нина собиралась освободить эту кладовую?

— Нет. Она не занималась техническими помещениями.

— Дамир слышал, как она сказала по телефону: «Я уже здесь» и «В офис не вернусь». Звонивший записан как Олег.

Юрист шагнул вперёд.

— Это пересказ предполагаемого свидетеля, который уже признался во лжи. Мы возражаем против попыток представить его слова фактом.

— Возражение можете изложить письменно, — сказала Белова. — Мы проверим соединение. Олег Владимирович, вы звонили Нине около восемнадцати часов?

— Я звонил ей много раз по рабочим вопросам.

— Вчера около восемнадцати?

— Не помню. Телефон предоставлю по официальному требованию.

Дамир стоял у стены и смотрел на свои ботинки. Версия быстрого отчёта уже почти могла быть написана: курьер лгал, тайно пользовался помещением, последним видел Нину живой и не имел свидетеля на нужные минуты. Но его ложь объясняла кладовую и не объясняла сухую обувь Нины, исчезнувший телефон, рабочие ключи и пустой регистратор. Чужая наклейка связывала доставку с пустующей квартирой, а не с виной Дамира.

Иван вышел во двор. Дождь прекратился, но вода ещё стояла в швах плитки. Он открыл тетрадь и разделил страницу вертикальной чертой.

Слева записал то, что подтверждалось: в 17:54 Дамир передал Нине заказ у незарегистрированной кладовой; солгал об офисе и втором корпусе; оставил запчасти в помещении; вышел к арке без большого пакета; следующий заказ принял в 18:38. Позавчера он оставил такой же пакет у пустующей квартиры сто восемьдесят четыре.

Справа — то, что пока держалось только на его словах: Нина ушла с заказом к служебному повороту; на экране телефона было имя «Олег»; она сказала, что не вернётся в офис; Дамир всё время до ухода занимался инструментами.

Отдельно, ниже, Иван написал: «Почему заказ на имя жильца в командировке? Кто забрал пакет от закрытой квартиры? Где пакет Нины?»

Он не ставил рядом имя убийцы.

Последняя доставка Нины закончилась не в офисе и не у синей двери. Она закончилась в сухом коридоре, которого не было в первом рассказе Дамира. Дальше женщина пошла сама — с едой, телефоном и рабочими ключами.

Кто-то уже ждал её в доме.

Глава 5. Триста дворов

Вязовка начиналась сразу за мостом, но после «Речного квартала» казалась другим городом. Там одинаковые окна поднимались на семнадцать этажей, здесь каждый дом сообщал о хозяине раньше калитки: у одного дрова сложены по росту, у другого под навесом три велосипеда, у третьего на заборе висела выцветшая табличка «Осторожно, злая собака», хотя собака умерла ещё весной.

Иван знал триста дворов не по списку. У Красновых старший сын приезжал по четвергам. В доме с зелёной крышей старуха путала день вывоза мусора. За кирпичным гаражом дети ходили к реке, хотя родители считали, что проход зарос. Эта память годами помогала ему быстрее журналов. Сегодня она подвела на первом же адресе.

У дома двадцать семь спорили две сестры. После смерти отца одна сменила замок на сарае, другая требовала отдать мотоблок. Иван выслушал обеих, посмотрел документы и уверенно сказал:

— Вы же в июле договорились пользоваться по неделе.

Сёстры замолчали.

— В июле мы из-за колодца договаривались, — сказала старшая. — Мотоблок папа мне оставил.

Иван открыл тетрадь. На странице за июль стояло: «Колодец, насос, доступ по субботам». Про сарай — ни слова. Он вспомнил разговор, синюю чашку на крыльце, мокрые перчатки младшей сестры и был уверен, что слышал про мотоблок. Только уверенность не превращалась в запись.

— Значит, я смешал два обращения, — сказал он. — Сейчас начнём заново.

Старшая усмехнулась:

— А говорили, всех нас помните.

— Помню людей. Спор решают факты.

Он попросил показать свидетельство о наследстве и не позволил вскрывать сарай до проверки. Раньше предложил бы временный порядок на словах, пожал руки обеим и ушёл. Сегодня записал номера документов, точные требования и срок ответа.

Когда он вышел, позвонила Белова. Аптека подтвердила: Дамир попал на внешнюю камеру в 18:34, пристегнул велосипед и вошёл за заказом. Путь от третьего корпуса занимал семь минут на велосипеде. Значит, не позже 18:27 он уже был во дворе.

— Промежуток всё равно остаётся, — сказала она. — И его телефон двадцать минут стоял возле первого корпуса.

— Он говорил, что был в кладовой.

— Говорил. История заказа подтверждает начало и конец, не середину. По пакету из квартиры сто восемьдесят четыре запросили данные оплаты. Климов разрешил осмотр квартиры после возвращения, но это через четыре дня.

— Каретников дал телефон?

— Через адвоката. Звонок Нине в 17:56 есть, длился сорок одну секунду. Он говорит, обсуждали отчёт.

Это подтверждало имя на экране и часть слов Дамира, но не содержание разговора.

— Поэтажный план?

— Всё ещё ищут.

Иван записал сведения на отдельной странице. Раньше оставил бы их в памяти до вечера: время аптеки было простым, звонок — коротким, четыре дня до осмотра — понятным сроком. Но вчера он уже превратил большой пакет с запчастями в доставку еды только потому, что картинка выглядела знакомо.

Следующий вызов пришёл с Береговой улицы. Сосед поставил прицеп так, что пожилая женщина не могла вывезти тачку из калитки. Хозяин прицепа клялся, что оставил проезд. Иван измерил расстояние рулеткой — шестьдесят восемь сантиметров — и сфотографировал положение. Спор закончился за пять минут: прицеп оттолкнули на два метра. Женщина всё равно потребовала наказать соседа.

— Он нарочно, — сказала она.

— Теперь проезд есть.

— А завтра опять поставит.

— Если поставит, звоните. Сегодня я записал место и разговор.

— Раньше вы без писанины понимали.

— Раньше я многое понимал по-разному в разные дни.

Она посмотрела на него с подозрением, но номер обращения взяла.

К обеду в тетради появились четыре страницы. Иван заехал в старую аптеку, над которой находилась его служебная квартира. На лестничной площадке стоял Миша с рюкзаком и пакетом из магазина.

— Ты почему не в школе? — спросил Иван.

— Уже два часа как не в школе.

Иван посмотрел на часы. Было три пятнадцать.

— Я думал, ты сегодня у мамы.

Миша молча достал телефон и показал переписку. В воскресенье Иван сам написал: «В четверг заберу после уроков. Сделаем макет моста». Ниже стоял ответ сына: «Точно?» И его собственное: «Точно».

Сегодня был четверг.

— Я перепутал неделю, — сказал Иван.

— Мама тоже думала, что я у тебя. Потом позвонила классной.

— Как ты добрался?

— Автобусом. Ключ у меня есть.

— Почему стоишь здесь?

— Замок заедает.

Иван открыл дверь, нажимая ручку вверх. На кухне Миша выложил из пакета картон, клей и деревянные палочки. Макет требовался к понедельнику. Они собирались сделать разводной мост, хотя учитель разрешал обычный.

— Давай сейчас начнём, — предложил Иван.

— У тебя обед до скольких?

— До четырёх.

— За сорок минут мост не сделать.

— Основание успеем.

Миша сел за стол, но куртку не снял.

— Ты вчера тоже обещал вечером.

— Вчера случилось убийство.

— Я знаю. В школе все знают. Там камеры не работали.

Иван хотел спросить, кто рассказал, потом понял, что это неважно. В посёлке новость проходила быстрее официального сообщения.

— Я должен был тебе позвонить раньше.

— Ты позвонил.

— И всё равно не пришёл.

— Поэтому «точно» у тебя значит «если никого не убьют».

Слова прозвучали без злости, и от этого стали хуже. Иван убрал телефон в ящик, разложил картон и попросил показать чертёж. Миша нарисовал две опоры, пролёт и зубчатое колесо

из крышки. Они вымерили основание. Иван уже провёл линию ножом, когда телефон в ящике завибрировал.

Он не доставал его несколько секунд.

— Бери, — сказал Миша. — Всё равно будешь думать, кто звонит.

Звонил дежурный. На Садовой мужчина заперся в доме и угрожал жене. Свободный экипаж ехал из района, не меньше двадцати минут.

Иван положил нож.

— Это не про камеру и не про бумагу. Там человек может пострадать.

— Иди.

— Я попрошу бабушку зайти.

— Мне двенадцать.

— Именно поэтому.

Миша снял куртку и повесил на спинку стула.

— Я сам склею обычный мост. Без колеса.

Иван хотел обещать, что вечером они всё переделают. Не стал.

— Я напишу, когда пойму, во сколько вернусь.

— Это хотя бы честно.

На Садовой угрозу удалось остановить до приезда экипажа. Мужчина был пьян, дверь не открывал, но жена вышла через соседнюю веранду. Иван отвёл её к соседям, дождался сотрудников и оформил каждую фразу письменно. В старой привычке было бы сказать: «Переночуйте у сестры, утром поговорим». Теперь он видел цену такого мира до завтра.

Когда бумаги закончились, уже темнело. Бабушка Миши ответила, что внук у неё, делает уроки и разговаривать не хочет. Иван сел в машину и заметил под стеклом записку, оставленную утром: «Проверить дым из трубы, Лесная, 14». Он не перенёс её в тетрадь и забыл.

Дом на Лесной топили старой печью. Хозяин жёг обрезки фанеры, дым стлался к соседнему участку. Непосредственной угрозы пожара не было, но труба заросла сажей, а возле печи лежали тряпки. Иван вызвал пожарного инспектора на утро и добился, чтобы топку прекратили. Сосед, подавший жалобу, встретил его словами:

— Наконец-то. Я утром звонил.

— Знаю. Опоздал.

— Вы раньше не опаздывали.

Иван мог сослаться на убийство и семейный вызов. Вместо этого записал время прибытия и повторно принял заявление.

У машины его ждала Алла Рубцова. В Вязовке она выглядела чужой: светлое пальто, городской складной зонт, папка под рукой.

— Как вы меня нашли? — спросил Иван.

— В отделе сказали, что участковый на обходе. Потом три человека объяснили маршрут. У вас здесь нет тайны передвижения.

— Зато камеры работают только у магазина.

— Я принесла ответы УК. Вы просили не обсуждать дело во дворе, поэтому приехала.

В папке лежали копии жалоб за два года. Иван не стал читать всё под фонарём. Проверил даты и подписи. В одном ответе Каретников называл помещение за электрощитовой «кладовой общедомового имущества». В другом, через полгода, утверждал, что такого помещения в составе дома нет.

— Дамир не первый его нашёл, — сказала Алла. — Мы просили поставить замок. УК ответила, что запирать нечего.

— Кто ещё пользовался?

— Рабочие. Иногда Каретников держал там коробки. Нина однажды составляла список имущества.

— Вы видели список?

— Нет. Видела её с бумагой у двери.

— Когда?

Алла назвала начало сентября, затем поправилась: возможно, конец августа.

— Не угадывайте, — сказал Иван. — Посмотрите переписку, фотографии, календарь. Мне нужна дата, которую можно объяснить.

— Вы сегодня всем это говорите?

— В первую очередь себе.

Алла заметила картонную полоску на рукаве его куртки.

— Ремонт?

— Мост.

Она не поняла, но не спросила. Передала папку под расписку и уехала.

В отделе Иван разложил день по листам. Дамир был у аптеки в 18:34. Каретников звонил Нине в 17:56. Кладовая существовала в ответе УК, исчезала в другом и не была показана на доступном плане. Эти сведения двигали расследование, но ни одно не возвращало вечер сыну и не объясняло забытый дым на Лесной.

Зорин вошёл без стука.

— Юсупов сознался во лжи?

— Признал ложные показания о маршруте.

— Последний видел погибшую, сидел с ней в закрытом коридоре, потом сорок минут без свидетелей.

— Не сидел. Передал заказ. В 18:34 он на камере аптеки.

— Смерть могла наступить раньше.

— Могла. Его ложь объясняется незаконной кладовой. Пакет с чужой наклейкой ведёт к пустой квартире. Каретников звонил Нине в момент встречи.

Зорин взял со стола копию ответа УК.

— Ты защищаешь парня, потому что знаешь его семью.

— Нет. Поэтому я вчера слишком быстро решил, что понимаю его пакет. Сейчас у меня записано, что подтверждено, а что нет.

— И что подтверждено против него?

Иван перечислил без смягчения: ложь, доступ, промежуток без свидетелей, знание служебных помещений. Затем перечислил то, чего версия Дамира не объясняла.

— Дай следователю работать, — сказал Зорин. — А сам займись районом. На тебя три жалобы за день.

— Две уже оформлены. По третьей опоздал, записал причину.

— Раньше у тебя жалоб не было.

— Раньше часть договорённостей не доходила до журнала.

Зорин посмотрел на него внимательнее.

— Не надо после одной ошибки делать вид, что вся твоя работа была ошибкой.

— Я так не считаю.

— Тогда перестань хоронить себя раньше проверки.

Он ушёл, оставив ответ УК на столе. Иван понял, что начальник сказал не только о нём. Зорин защищал привычный способ работы: если люди знают друг друга и беда не повторилась, значит, порядок был. Пустые камеры укладывались в ту же логику. Картинка есть, жалоб немного, серьёзного случая до вчерашнего дня не случилось.

В половине десятого Иван приехал к матери. Миша спал на диване, рядом лежал недоделанный мост. Основание он склеил криво, одна опора наклонилась.

— Не буди, — сказала мать. — Он ждал до девяти.

— Я написал в семь.

— Написал, что не знаешь, когда будешь.

— Это правда.

— Правда тоже бывает поздней.

Иван сел у стола. На чертеже Миша зачеркнул зубчатое колесо и нарисовал прямой пролёт. Рядом написал: «Так надёжнее».

— Оставь его у меня до утра, — сказала мать. — В школу отвезу.

Иван кивнул. Он не имел права будить сына ради собственного облегчения.

Дома он открыл тетрадь и на первой свободной странице написал все обещания, которые дал на ближайшие дни. Забрать Мишу в пятницу после школы — только после разговора с бывшей женой, без слова «точно». Проверить трубу с инспектором. Получить документы по наследству сестёр. Проследить за прицепом. Ответить Алле о принятой папке.

Получился обычный список участкового, не имеющий отношения к убийству. Но именно из таких мелких обещаний складывалось доверие, которым Иван так гордился. Он считал его своим знанием трёхсот дворов. На деле доверие держалось не на том, сколько лиц он помнил, а на том, что делал после разговора.

Телефон сообщил о новом письме Беловой. Пришёл ответ службы доставки по заказу квартиры сто восемьдесят четыре. Учётная запись была создана за день до заказа на одноразовый номер. Оплату провели виртуальной картой. Адрес ввели вручную. Других заказов не было.

Иван записал каждую строку и время получения. Потом позвонил Беловой.

— Пустую квартиру выбрали заранее, — сказал он.

— Похоже. Завтра установим, кто мог знать, что хозяин уехал.

— И кто забрал пакет после фотографии Дамира.

— Именно.

После разговора Иван не пытался удержать вывод в голове. Он поставил рядом два вопроса и закрыл тетрадь.

Триста дворов всё ещё были его участком. Но больше не были его памятью.

Глава 6. Сервер без дисков

Утром в пятницу регистратор вынесли из технической комнаты и поставили на стол в кабинете Беловой. Чёрный ящик выглядел слишком лёгким для вещи, вокруг которой за два дня успели построить столько объяснений. На крышке белела полоска с подписями понятых. Рядом лежали два прозрачных пакета: винты, снятые специалистом, и короткий кабель, который ни к чему не был подключён.

Белова не позволила Ивану открыть принесённую из дома тетрадь, пока не включила запись допроса.

— Сначала ещё раз своими словами, — сказала она. — Когда вы впервые увидели этот прибор?

— В августе прошлого года. Проверяли камеры после жалобы жильцов.

— Крышку открывали?

— Нет.

— Документы на оборудование видели?

— Акт исправности. Перечень камер. Схему обзора.

— Накладную на накопители?

— Нет.

— Почему решили, что запись ведётся?

Иван уже отвечал на этот вопрос, но теперь каждое слово ложилось рядом с пустыми креплениями внутри ящика.

— На мониторе шли четыре изображения. На каждом был красный значок. Представитель подрядчика сказал, что архив пишется непрерывно. Я попросил показать дальнюю камеру и время на экране. Архив не открыл.

— Фамилия представителя?

— В акте должен быть указан. Я его не помню.

— А человека помните?

— Худой, лет тридцать пять, тёмная рабочая куртка. Представился Антоном. Это описание, не установление личности.

Белова коротко кивнула. Раньше Иван назвал бы человека Антоном уверенно, потому что так сохранила память. Теперь он видел разницу между именем, которое услышал, и человеком, чьи документы проверил.

— Кто был от управляющей компании?

— Каретников и инженер Мальцев. От жильцов — Алла Рубцова. Она отказалась подписывать итоговый лист, потому что ей не показали запись с ночной жалобы.

— А вы подписали.

— Подписал.

Белова остановила запись.

— Теперь можете смотреть тетрадь. Есть расхождения?

Иван открыл августовскую страницу. Почерк был его, и от этого короткая запись казалась ещё неприятнее: «4 камеры, обзор соответствует, время верное, замечаний нет». Ни слова об архиве. Ни фамилии человека в рабочей куртке.

— Нет, — сказал он. — Только подтверждение того, что я не проверил главное.

— Не торопитесь давать этому юридическое название. Нам нужны действия каждого, а не общее раскаяние.

Она снова включила запись и попросила продиктовать содержание страницы. После допроса Иван подписал протокол, исправив одну мелочь: Белова записала, что монитор стоял на сервере, а он находился на отдельной полке. Раньше такая поправка показалась бы при-

диркой. Теперь полка имела значение: любой мог видеть картинку, не приближаясь к самому ящику.

В коридоре ждал специалист районного управления связи Аркадий Левин. Он держал папку с фотографиями вскрытия.

— Пойдёмте смотреть на чудо хранения воздуха, — предложил он.

На увеличенных снимках были видны две пустые площадки. Краска вокруг отверстий оставалась ровной. На дне лежала пыль, не нарушенная прямоугольными следами. Кабели питания были стянуты заводской проволокой.

— Можно утверждать, что диски сняли перед убийством? — спросил Иван.

— Утверждать можно что угодно. Доказать — нет. Здесь другое. Видите резьбу?

Левин показал отверстия под крепёж.

— Винт ни разу не входил. На кромке нет ни царапины. Разъёмы закрыты транспортными колпачками. Если сюда ставили диски, то делали это без винтов, без кабелей и не снимая колпачков. То есть не ставили.

— С самого начала?

— С того момента, когда этот корпус регистратора достали из коробки. Но я не могу по металлу сказать, где он находился до установки и не меняли ли весь прибор. Нужны серийный номер, закупка и акт монтажа.

Серийный номер был наклеен снизу. В акте августовской проверки Иван номера не нашёл. В перечне оборудования стояло только: «сетевой видеорегистратор, одна единица». Марка совпадала, заводской номер отсутствовал.

— Значит, могли принести другой пустой ящик, — сказал Иван.

— Теоретически. Поэтому не влюбляйтесь в красивую версию. Проверяйте бумаги.

Бумаги находились в трёх местах. Управляющая компания хранила акты эксплуатации. Подрядчик должен был иметь договор, смету и накладные. Администрация района держала документы о вводе дома, а отдел полиции — ответы на жалобы и листы совместных обходов. Белова уже отправила требования. Самой быстрой оказалась полиция.

Архив отдела помещался в бывшей комнате отдыха. Вдоль стен стояли серые шкафы, между ними теснились пачки коробок из-под бумаги. Архивариус Валентина Сергеевна выдала Ивану журнал под расписку и предупредила:

— Ничего не переставляйте. У меня порядок по годам, а не по вашему удобству.

В папке «Речной квартал» лежали ответы на шум, неправильную парковку, драку у магазина и три жалобы на камеры. Первая появилась ещё до заселения второго корпуса. Застройщик ответил, что система наблюдения смонтирована и передана эксплуатирующей организации. К письму прилагался акт на шести страницах.

Иван читал его медленно. Четыре уличные камеры. Две камеры в холлах. Коммутатор. Регистратор. Источник бесперебойного питания. Монитор. Кабели. Монтажный шкаф. Внизу отдельной строкой шёл «комплект хранения видеоданных на срок не менее тридцати суток».

Цена стояла общая, без количества и марки.

— Вот ваши диски, — сказал Зорин из дверей.

Иван не слышал, как он вошёл.

— Это название комплекта. Что внутри, не указано.

— Обычная формулировка. Ты ожидал опись каждого винта?

— Ожидал хотя бы модель накопителя или общий объём.

Зорин протянул руку. Иван записал номер страницы и только потом передал акт.

Начальник просмотрел приложение.

— Подписи застройщика, УК и монтажников. Полиции здесь нет.

— На вводе нет. Наша подпись появилась через год, после жалобы.

— Твоя подпись.

— И резолюция отдела на ответе жильцам.

Зорин положил лист на стол.

— Резолюция подтверждает, что ответ направлен. Не делай из обычного делопроизводства заговор.

— Я не делаю. Хочу разделить, кто что подтвердил.

— Тогда разделяй аккуратно. Застройщик сдал систему управляющей компании. Подрядчик сказал, что смонтировал. УК приняла. Через год ты увидел картинку. Это четыре разных события.

Иван посмотрел на него. Зорин говорил именно то, что требовалось установить, но произносил это так, будто заранее защищал последнюю ступень.

— Поэтому мне нужны все четыре, — ответил он.

Вторая жалоба была от Аллы. Она писала, что после ночной царапины на машине УК отказалась предоставить запись, сославшись на заявление только от собственника автомобиля. Собственник подал заявление через два дня. Тогда ему сообщили, что нужный отрезок утрачен из-за скачка напряжения.

К ответу прилагалась справка инженера Мальцева: «оборудование восстановлено, запись ведётся в штатном режиме». Под справкой стояла подпись Каретникова. На полях кто-то синим карандашом написал: «проверить питание».

— Чья пометка? — спросил Иван.

Валентина Сергеевна надела очки.

— Похоже, дежурного помощника. Они тогда по цветам отмечали: синим — участковому, красным — руководителю.

— Можно установить фамилию?

— По журналу передачи.

В журнале папку получил Иван. Дата совпадала с его первым визитом в комплекс. Но проверки не состоялось: в тот день его вызвали на исчезновение восьмилетнего мальчика, которого нашли вечером у приятеля. Папку он вернул через три дня, поставив отметку «выезд перенесён». Следующая запись появилась спустя семь месяцев, когда жильцы пожаловались снова. Именно тогда состоялся совместный обход.

Иван выписал обе даты. Пустые диски не возникли в августе прошлого года. Система уже не отдала запись за семь месяцев до его подписи.

— Утрачена из-за скачка, — напомнил Зорин. — Так написано.

— Если накопителей не было, терять было нечего.

— Если не было тогда. Левин сказал, что этот ящик пуст с установки. Он не сказал, что ящик не меняли.

— Поэтому серийный номер.

— Вот и ищи номер, а не виноватых среди своих.

Зорин ушёл. Валентина Сергеевна сделала вид, что занята шкафом, хотя папка в её руках давно стояла на нужном месте.

— Он прав насчёт номера, — сказала она наконец. — И вы правы насчёт справки. Одно другому не мешает.

К одиннадцати Белова получила копию договора от подрядчика «Городские системы». Директор прислал её быстро и приложил письмо: фирма выполняла только прокладку кабеля и установку камер, а регистратор с комплектом хранения поставлял застройщик. В смете подрядчика действительно были кабель, разъёмы, камеры и работа. Дисков не было.

Иван и Белова поехали в офис управляющей компании с постановлением о выемке документов. Каретников встретил их без пиджака, в рубашке с закатанными рукавами. На столе у него стояли три раскрытые коробки.

— Готовлю всё, что запросили, — сказал он. — После случившегося нам скрывать нечего.

На краю стола Иван увидел новую папку с надписью «Видеонаблюдение». Картон был чистым, тогда как остальные папки потемнели по сгибам.

Белова перечислила документы: договоры, счета, накладные, акты монтажа, приёмки и ремонта, переписку о сбоях, журналы доступа в серверную. Каретников позвал инженера Мальцева.

Мальцев оказался сутулым мужчиной с руками, въевшимися в машинное масло. Он принёс две папки и связку ключей.

— Серверную я принял уже такой, — сказал он. — Дом передали за месяц до моего устройства.

— Вы подписали справку, что запись восстановлена, — напомнил Иван.

— Каретников сказал, был скачок. Я перезапустил регистратор, картинка появилась. Справку дали готовую.

— Архив открывали?

— Нет. Пароля не было.

— Как можно восстановить запись, не открывая архив?

Мальцев потёр ладонью подбородок.

— Сейчас понимаю, что нельзя. Тогда считал: раз изображение идёт и красные точки мигают, пишет.

Каретников вмешался:

— Инженер отвечает за электрику и сантехнику. Система была на гарантии подрядчика.

— Какого подрядчика? — спросила Белова. — «Городские системы» отрицают поставку регистратора.

— Значит, субподрядчик застройщика. Четыре года прошло. Я не помню каждую фирму.

Белова велела Мальцеву продолжать. Тот объяснил, что ключ от серверной хранился в диспетчерской, выдачу до прошлого года не записывали. После того как жильцы стали требовать записи, замок сменили. Новый журнал начинался с января. За десять месяцев туда входили Мальцев, Каретников и два мастера интернет-провайдера. Напротив каждого визита была причина. Последним, за неделю до убийства, входил Каретников: «проверка уборки».

— Я директор, — сказал он. — Имею право проверить любое помещение.

— Право сейчас не обсуждаем, — ответила Белова. — Что именно проверяли?

— Пыль. Жильцы жаловались на пыль.

Иван вспомнил утренний звонок уборщице после смерти Нины. Каретников любил объяснять уборкой действия, для которых не требовалось объяснение, пока никто не задавал точного вопроса.

Накладные разложили на длинном столе переговорной. Регистратор значился в поставке застройщика. Его марка совпадала с изъятым, а серийный номер снова отсутствовал. Отдельной строкой были два жёстких диска по восемь терабайт. В графе «количество принято» стояла двойка. Подпись принадлежала Каретникову.

— Вот, — сказал он. — Всё было.

Белова перевернула лист. На обороте стояла печать застройщика и подпись кладовщика. Иван сверил номер накладной с актом передачи: одна цифра отличалась. В накладной было 417, в акте — 471.

— Опечатка, — сказал Каретников.

— Возможно, — ответила Белова. — Где паспорта дисков?

— В общей документации.

Паспортов не нашли. Не было гарантийных талонов, коробок, серийных номеров и акта установки. Зато в бухгалтерской выгрузке обнаружился платёж по накладной 417. Сумма сов-

падала только с ценой регистратора, камер и кабеля. Два диска были вписаны в бумажное приложение, но итог не увеличился.

— Поставщик подарил? — спросил Иван.

Каретников взял калькулятор. Сложил строки один раз, второй.

— Значит, бухгалтер ошиблась при переносе.

— Какая бухгалтер?

— Не знаю. Тогда у застройщика была своя бухгалтерия.

— Нина работала здесь?

— Она пришла позже.

Белова попросила показать первичный электронный файл. В системе УК сохранилась отсканированная накладная. На старом скане строк с дисками не было. Они появлялись только на бумажном листе из новой папки.

В комнате стало тихо. За стеной диспетчер отвечал жильцу, что сантехник придёт после обеда.

— Кто распечатал этот экземпляр? — спросила Белова.

Каретников посмотрел на папку, словно впервые заметил чистый картон.

— Документы собирала Нина. Возможно, она нашла уточнённый вариант.

— Когда?

— Не могу сказать.

— На листе две дырки от старого скоросшивателя, — заметил Иван. — А папка на четыре кольца.

— У нас документы перекладывают.

— Кто переложил?

— Спросите сотрудников.

Белова изъяла оба варианта. Бумажный лист положили отдельно для исследования печати, чернил и подписи. Это ещё не доказывало, что Каретников подделал документ. Старый скан мог быть неполным. Приложение могли исправить после оплаты. Подпись могла оказаться настоящей. Но теперь существовал проверяемый разрыв: деньги за накопители не уходили, а в нынешней папке они числились принятыми.

В шкафу Нины нашли перечень основных средств. Камеры и регистратор стояли на учёте одним комплектом. Диски отдельно не значились. В ежегодных описях повторялась та же строка. Нина ставила подпись под тремя последними проверками.

— Значит, она тоже подтверждала, — сказал Каретников.

— Подтверждала наличие комплекта под инвентарным номером, — ответила Белова. — Не содержимое закрытого корпуса.

— Удобное различие.

Иван посмотрел на свою подпись в копии акта.

— Не удобное. Точное. Я подтвердил изображение и написал «замечаний нет», хотя не проверил запись. Моя ошибка шире того, что я реально видел. У Нины надо установить, что именно она проверяла.

Каретников усмехнулся:

— Благородство началось вовремя.

Иван не ответил. Признание собственной ошибки не давало права раздавать чужую вину быстрее доказательств.

При выемке обнаружилась ещё одна цепочка. После каждой жалобы УК направляла в отдел полиции справку о восстановлении системы. Отдел отвечал жильцам, что оборудование исправно. Внутри УК справки подшивали как основание закрыть заявку. Подрядчику при этом не отправили ни одного требования о гарантийном ремонте. Если происходил скачок, отказ

или замена дисков, кто-то должен был вызвать мастера. В журнале заявок таких вызовов не было.

— Четыре года система якобы ломалась ровно тогда, когда просили запись, — сказала Белова. — И каждый раз чинилась без мастера и запчастей.

— Жильцы обращались трижды, — возразил Каретников. — В доме почти тысяча человек. Если бы камеры не работали, жалоб было бы больше.

— Большинство не просит запись, пока ничего не случилось, — сказал Иван.

— А когда случилось, ваш отдел принимал наши справки.

Это было сказано ради защиты, но прозвучало точно. Иван записал фразу дословно.

К трём часам у них имелась связанная последовательность документов. При сдаче дома комплект хранения назвали общей строкой. В старой электронной накладной дисков не было и оплаты за них не проходило. В новой бумажной версии два диска появились как принятые. Позже УК трижды сообщала о временных сбоях, хотя не вызывала ремонтников. Полиция дважды пересылала эти объяснения жильцам, а после совместного обхода Иван подтвердил исправность системы, проверив только живую картинку.

Ни один лист по отдельности не говорил, кто вписал диски и кто знал, что ящик пуст. Вместе они доказывали более простое: накопители не закупались, не ставились и не ремонтировались. Четыре года отсутствие записи объясняли случайными поломками системы, которой в полной комплектации никогда не существовало.

Белова продиктовала это осторожнее: «Документальных сведений о фактической поставке, оплате и монтаже накопителей не обнаружено. Состояние креплений и разъёмов изъятого регистратора указывает на отсутствие установки накопителей в данный корпус». Иван переписал формулировку. Она не называла виновного, зато её можно было защищать по каждой строке.

У выхода Мальцев догнал его у лифта.

— Иван Андреевич, я правда думал, что пишет.

— Почему не открыли архив?

— Пароль просил. Каретников сказал, пароль у монтажников, а если понадобится запись, они выгрузят удалённо.

— Вы это кому-нибудь писали?

— Нет. Зачем? Картинка же шла.

— Теперь напишите следователю. С датами, которые помните. Если не помните — так и укажите.

Мальцев помял край своей куртки.

— Меня сделают крайним.

— Я не обещаю, что не сделают. Но устный разговор исчезнет первым.

В машине Иван увидел сообщение от бывшей жены. Она согласилась, что Миша после школы поедет к бабушке; вечером Иван заберёт его, если заранее назовёт время. Он посмотрел на часы и написал: «В восемь буду у мамы. Если к семи пойму, что не успеваю, сообщу. Не жди без сообщения». Слово «точно» он не использовал.

Зорин вызвал его в отдел к пяти. На столе начальника лежали копии тех же документов. Окно было открыто, и бумажные углы шевелились от холодного воздуха.

— Белова собирается назначить исследование подписи Каретникова, — сказал Зорин. — Это правильно. А ты зачем вписал в объяснение, что отдел дважды сообщал жильцам об исправности камер?

— Потому что сообщал.

— На основании справок УК.

— Это тоже указано.

— Читатель увидит только первую фразу.

— Какой читатель?

Зорин закрыл окно.

— Прокуратура. Служебная проверка. Журналисты, если Алла получит копию. Ты думаешь, бумага читается так же спокойно, как ты её пишешь?

— Поэтому я разделил основания. УК сообщила. Мы переслали. При обходе я проверил изображение и не проверил архив.

— Для убийства это что меняет?

— Устанавливает, почему нет записи и кто мог знать, что её не будет.

— Полдома могло знать. Жильцам трижды не дали архив. Каретников мог знать. Мальцев мог. Рубцова точно подозревала. Твой курьер жил здесь. Отсутствие дисков не указывает на убийцу.

— Пока не указывает.

— Тогда не превращай ведомственную ошибку в главную улику.

Иван сел напротив.

— Я не превращаю. Но человек, который выбрал пустую квартиру и сухой путь, рассчитывал на отсутствие записи. Это часть подготовки.

— Или случайное преимущество.

— Проверим.

Зорин подтолкнул к нему лист.

— Перепиши объяснение. «Ответы направлялись на основании официальных сведений эксплуатирующей организации. Оснований сомневаться не имелось». Это правда.

Иван прочёл предложенную фразу.

— После первой пропавшей записи основания появились.

— У тебя был пропавший ребёнок. Потом справка о восстановлении. Ты не мог вскрыть чужое оборудование без основания.

— Мог открыть архив на мониторе в августе.

— Но не открыл. Это уже записано. Зачем добавлять, что весь отдел четыре года покрывал пустой сервер?

— Я такого не добавлял.

— Так это прочтут.

Иван вернул лист.

— Тогда к документам приложат акты, и прочтут точнее.

— Ты готов ради точности отдать отдел на растерзание?

— Я готов не писать фразу, будто сомнений не было. Они были в жалобах.

Зорин встал и прошёл к шкафу. На верхней полке стояла фотография отдела после паводка: люди в резиновых сапогах, грязные, уставшие, живые. Иван был на краю снимка, Зорин — в центре, с чужим ребёнком на руках.

— Репутация не только слово, — сказал начальник. — Когда в посёлке беда, люди должны звонить нам. Если сейчас объявить, что полиция годами подтверждала пустышку, они перестанут верить и там, где мы сделали всё правильно.

— Если скрыть, а потом выяснится, перестанут верить во всём.

— Не скрыть. Сначала раскрыть убийство. Потом спокойно провести проверку.

— Бумажная версия с дисками появилась до выемки. Спокойно уже не будет.

Зорин посмотрел на него.

— Ты обвиняешь Каретникова в подделке?

— Нет. Я говорю, что две версии документа различаются. Поэтому фиксировать цепочку надо сейчас.

Начальник долго молчал. Потом забрал подготовленный лист и порвал его пополам. Не выбросил, положил части в ящик.

— Пиши как считаешь проверяемым, — сказал он. — Но ни слова Алле, пока Белова не решит вопрос с тайной следствия.

— Согласен.

— И Чернов. Если окажется, что ты строишь большое покаяние, потому что не хочешь смотреть на курьера, я сам сниму тебя с этой работы.

— Дамира я продолжаю проверять.

— Вот и проверяй всех одинаково.

В коридоре Иван добавил в тетрадь: «Зорин предлагал формулировку об отсутствии оснований сомневаться; отказался после обсуждения». Запись выглядела опасной и несправедливой без второй части. Поэтому он дописал: «Не препятствовал передаче документов. Потребовал не разглашать материалы». Люди не помещались в одну удобную строку — ни подозреваемые, ни начальники.

В восемь без пяти Иван вошёл в квартиру матери. Миша сидел на полу и держал мост между коленями. Прямой пролёт уже стоял, одна опора была заново подклеена полоской картона.

— Пять минут в запасе, — сказал Миша.

— Я парковку долго искал.

— Это считается.

Иван снял куртку и сел рядом.

— Колесо возвращать будем?

— Не сегодня. Сначала пусть клей высохнет.

Они укрепили вторую опору. Телефон Ивана дважды завибрировал в кармане. Первое сообщение было от Беловой: эксперт принял бумажную накладную. Второе — от Аллы: она нашла ещё один ответ УК, где запись обещали хранить тридцать суток.

Иван прочёл сообщения, но не встал.

— Срочно? — спросил Миша.

— Нет. Важно, но до утра не исчезнет.

Он положил телефон экраном вниз. На мосту не было сложного механизма, который они задумали. Зато обе опоры стояли ровно. Иван придерживал одну, пока сын наносил клей на другую, и впервые за три дня не обещал, что завтра станет легче.

Перед сном он всё же открыл фотографию ответа, присланную Аллой. Под обещанием тридцати суток стояли подписи Каретникова и инженера Мальцева. В углу был исходящий номер. По нему документ можно было найти в общей переписке.

Иван переслал снимок Беловой и записал только факт получения. Не стал писать, что нашёл доказательство сговора. Пустой сервер связывал управляющую компанию, подрядчиков и полицию общими бумагами, но общая бумага ещё не делала всех соучастниками.

Она показывала другое: четыре года каждый проверял ровно тот кусок, за который мог отчитаться. Камера давала картинку. Электрик видел питание. управляющая компания прикладывала справку. Полиция отправляла ответ. Между этими кусками оставалось пустое место размером с два накопителя.

В этом месте не сохранилась ночь убийства.

Глава 7. Белая пыль

В субботу Белова позвонила в половине восьмого и попросила Ивана ничего не завтракать на ходу. Он не понял, при чём здесь завтрак, пока она не добавила:

— Левин ждёт нас в лаборатории к девяти. Если опоздаем, он уйдёт на другой осмотр. А вы после кофе из автомата становитесь ещё мрачнее.

Иван стоял у плиты в квартире матери и переворачивал оладьи. Миша спал за стеной. Мост сох на подоконнике, прижатый двумя книгами.

— Буду вовремя, — сказал Иван.

Он не стал будить сына, но оставил записку с точным временем возвращения и позвонил матери, хотя она находилась этажом ниже у соседки. Потом сфотографировал записку. Не для доказательства перед Мишей — чтобы самому не заменить написанное более удобным воспоминанием.

Лаборатория занимала две комнаты в старом здании районного управления. На подоконниках стояли банки с образцами, на шкафу лежали свёрнутые рулоны обоев. Аркадий Левин встретил их в синем халате и сразу предупредил:

— Я не волшебник. Название магазина и фамилию рабочего из пыли не достану.

На столе лежали три подписанных пакета. Первый содержал крошку с подошв Нины, второй — с её рукава, третий — смёт с пола технической комнаты. Рядом стояла маленькая коробка с образцами, которые Белова получила накануне: штукатурка со стен, побелка с потолка, осыпь вокруг кабельного ввода и серый налёт из паркинга.

Левин разложил фотографии под лампой.

— В основных пробах есть гипс, известковый наполнитель и волокна целлюлозы. Проще: это похоже на пыль от лёгких строительных плит или сухой шпаклёвочной смеси. В обычной штукатурке технической комнаты состав другой — больше песка, меньше гипса. Потолочная краска тоже не совпадает.

— Между подошвой и рукавом совпадение есть? — спросила Белова.

— По тем признакам, которые мы видим, они однородны. Но слово «одинаковые» в заключении не появится. Такой материал продаётся мешками. Мы можем сказать, что частицы могли иметь общий источник.

Иван посмотрел на увеличенное изображение. Белые обломки напоминали неровные льдинки, среди которых тянулись тонкие прозрачные нити.

— Почему на обеих подошвах мало пыли, а на рукаве больше?

— Могла пройти по уже убранному полу и задеть стену. Могла упасть рядом с местом, где пыли было больше. Могли перенести тело. Я даю состав, не сцену.

— Следов волочения нет, — сказала Белова.

— Тогда не заставляйте частицы рассказывать о волочении.

Левин показал ещё один снимок. В пробе с пола были те же белые частицы и тёмные крупинки резины. На туфлях Нины резиновая крошка тоже присутствовала.

— Это уже интересно, — сказал он. — Но резина бывает в ковриках, колёсах тележек, уплотнителях. Сначала найдите место, потом сравнивайте.

— Кабельная ниша? — спросил Иван.

— Образец вокруг видимого ввода не совпал. Там цементная смесь, старая и серая. Ваша белая пыль появилась из другого материала.

В заключении оставалось восемь страниц осторожных слов. Иван прочитал каждую. Левин не установил происхождение материала, зато исключил четыре очевидных поверхности. Пыль не осыпалась с потолка, не была обычной штукатуркой комнаты, не пришла из открытого кабельного отверстия и не совпала с серым налётом паркинга.

— Значит, источник ещё внутри здания, — сказал Иван.

— Значит, среди представленных образцов источника нет, — поправила Белова.

Левин усмехнулся:

— Вот почему я люблю следователей. Они портят красивые выводы раньше экспертов.

Повторный осмотр назначили на полдень. Каретникову направили уведомление, Аллу пригласили как представителя совета дома, а специалиста строительного надзора Белова нашла в соседнем районе. Иван предложил позвать Мальцева, но следователь отказалась заранее сообщать инженеру, что именно будут искать.

Во дворе «Речного квартала» дождь сменился мелким снегом. Белые точки таяли на асфальте. Камеры под козырьками смотрели на входы, и теперь Иван не мог пройти мимо, не представить пустые площадки внутри регистратора.

Алла ждала у первого подъезда с папкой. Каретников приехал на пять минут позже вместе с адвокатом — молодой женщиной по фамилии Руднева. Она сразу попросила разъяснить пределы осмотра.

— Техническая комната, примыкающий коридор и поверхности, откуда могли отделиться обнаруженные частицы, — сказала Белова. — Разрушать стены без отдельного основания не будем.

— В прошлый раз уже всё осмотрели, — заметил Каретников.

— В прошлый раз искали следы преступления. Теперь сравниваем материал.

— И что нашли?

— Результат будет приобщён к делу.

Алла посмотрела на Ивана, но он ничего не добавил. Вчера Зорин потребовал не обсуждать материалы, и в этом требовании не было попытки скрыть ошибку. До проверки находка принадлежала делу, а не дворовому собранию.

Синюю дверь открыли ключом из изъятой связки УК. Белова отметила, что замок не менялся. Внутри пахло сыростью и холодным железом. После первого осмотра комнату опечатали; на полу ещё виднелись бумажные метки рядом с местом, где лежала Нина.

Строительный специалист, Николай Панов, начал со стен. Он простукивал их рукоятью отвёртки и помечал на схеме материал: кирпич, бетонная колонна, лёгкий блок. Звук менялся возле дальней стены, но Панов не удивился.

— Здесь короб коммуникаций, — сказал он. — За облицовкой трубы и кабели. По плану так и должно быть.

— Какому плану? — спросил Иван.

Панов показал копию, полученную из районного архива. Это был лист инженерных сетей, а не полный поэтажный чертёж. За технической комнатой проходил узкий прямоугольник без подписи. Линии водопровода входили в него и уходили вверх.

— Доступ откуда? — спросила Белова.

— Обычно ставят люк. Здесь видимых нет.

Каретников ответил раньше Панова:

— Нишу закрыли после сдачи. Был шум от труб. Обслуживание идёт из паркинга.

— Когда закрыли? — спросил Иван.

— В первый год.

— Кто выполнял работу?

— Подрядчик. Название сейчас не вспомню.

— Документы сохранились?

— Если были, найдём.

Панов осмотрел дальнюю стену под боковым светом. В нескольких местах проступали широкие вертикальные полосы. Их закрасили той же серой краской, но поверхность была ровнее.

— Здесь действительно заделывали проём или большой люк, — сказал он. — Давно. Краска успела потемнеть вместе со стеной.

— Материал может давать такую пыль? — Белова показала ему фотографию частиц, не называя заключения.

— Может. Если использовали гипсовые блоки или плиту. Но снаружи всё окрашено. Чтобы пыль появилась сейчас, надо сверлить, ломать или иметь необработанный край с другой стороны.

Каретников развёл руками:

— Я это и говорил. Старая заделка. Никакой тайны.

— В первый день вы говорили о кабельной нише, — напомнил Иван.

— Коммуникации, кабели, трубы — для жильцов это одно техническое пространство. Я не строитель.

— Но сейчас назвали шум от труб.

Руднева вмешалась:

— Мой доверитель отвечает по памяти о работах четырёхлетней давности. Не превращайте бытовые названия в противоречие.

Иван записал обе формулировки. Адвокат была права в одном: разница слов сама по себе ничего не доказывала. Зато точные слова позволяли позже проверить, какие работы проводились и существовал ли подрядчик.

Панов взял соскоб с окрашенного участка и отдельную пробу у пола, где краска была повреждена тележкой. Внутренний материал оказался светлым. Он упаковал частицы, подписал место и время.

— Вскрыть нельзя? — спросила Алла.

— Сейчас нет, — ответила Белова. — Для разрушения стены нужны основания и понимание, что за ней. Мы не будем повреждать общедомовое имущество ради любопытства.

— Четыре года нас так и успокаивают.

— Сегодня это не успокоение. Это порядок осмотра.

Алла сжала губы, но спорить не стала.

Иван прошёл вдоль стены. У самого пола тянулся новый серый плинтус из пластика. В углу он отходил на толщину ногтя. За щелью белел необработанный край. Иван не тронул его, позвал Белову и Панова.

Панов осветил щель фонарём.

— Плинтус ставили позже покраски. Клей свежий относительно стены, но насколько — без исследования не скажу.

Белова сфотографировала участок. Плинтус сняли на длину ладони после того, как Каретников и адвокат внесли возражение в протокол. За ним обнаружилась белая крошка. Она лежала полосой вдоль стены, будто её смели к краю и закрыли пластиком.

— Вот и источник, — сказал Каретников. — Остатки старого ремонта.

— Возможный источник, — поправил Иван.

Панов собрал пробу. Под плинтусом нашёлся обломок размером с ноготь. Один край был покрыт серой краской, второй оставался свежим и ярко-белым.

— Старый материал может так выглядеть внутри, — объяснил специалист. — По цвету возраст не определяют. Но скол свежий: на поверхности нет пыли и потемнения.

— Насколько свежий?

— День, месяц — не скажу. Не четыре года на открытом воздухе. Здесь он мог лежать защищённым.

На полу рядом с плинтусом Левин в первый день взял общий смёт, однако пластиковую планку никто не снимал. Теперь причина белой полосы стала понятнее, но вопрос только переместился: кто и зачем закрыл крошку новым плинтусом.

— Когда его меняли? — спросила Белова.

Каретников посмотрел на Мальцева, которого всё-таки вызвали после начала осмотра. Инженер стоял у двери и явно хотел оказаться в другом месте.

— Летом, наверное, — сказал он. — После протечки угол вздулся.

— Документы?

— Плинтус из остатков. Я сам приклеил.

— Этот участок или всю комнату?

— Дальнюю стену. Старый отваливался.

— Белую крошку видели?

Мальцев посмотрел на Каретникова, затем на адвоката.

— Видел мусор. Подмёл.

— Куда?

— Не помню. В совок.

— Почему крошка осталась под планкой?

— Значит, не всё подмёл.

Белова попросила его показать, где хранился клей и чем резали плинтус. Мальцев отвёл их в маленькую мастерскую за диспетчерской. На полке стояла начатая банка клея. Остатков серого плинтуса не было.

— Израсходовал весь, — сказал он.

— Где покупали?

— На рынке.

— Чек?

— За свои деньги брал. Там триста рублей.

Каретников нахмурился:

— Почему за свои? У нас есть хозяйственные расходы.

— Надо было быстро.

Разговор выглядел мелким и правдоподобным. Работник действительно мог купить дешёвую планку без чека и приклеить её поверх плохо убранного мусора. Но Мальцев не назвал ни месяц, ни день. В журнале работ записи о протечке не оказалось.

— Кто дал указание заменить? — спросил Иван.

— Сам увидел.

— В комнату редко входят. Когда увидели?

— Когда счётчик проверял.

— Какой счётчик?

Мальцев замолчал. В технической комнате не было счётчиков. Электрический щит находился за соседней дверью, водомерный узел — в подвале.

— Может, кабель смотрел, — сказал он наконец. — Я не веду дневник каждого шага.

Белова не стала давить. Записала ответ и попросила предоставить табели, заявки и переписку за лето. Иван заметил, как Каретников перестал смотреть на инженера.

В мастерской нашли мешок финишной шпаклёвки. Марка и состав подходили к общему описанию лаборатории. Мешок был открыт, сверху лежал мерный ковш.

— Ремонтируем подъезды, — объяснил Мальцев. — Такой смеси везде полно.

Панов подтвердил: материал распространённый. Сравнение могло показать сходство наполнителя, но не доказать, что именно этот мешок использовали у стены.

— Где ещё за последние месяцы работали этой смесью? — спросил Иван.

Мальцев перечислил откос во втором подъезде, потолок диспетчерской и трещину в паркинге. Все места предстояло осмотреть, иначе совпадение превратилось бы в удобную подгонку.

В техническую комнату вернулись после двух часов. Белова попросила каждого участника проверить протокол. Алла потребовала включить её замечание: совет дома не получал уведомления о замене плинтуса и заделке ниши. Руднева внесла своё: обнаруженная крошка могла оставаться от первоначальных работ и не имела установленной связи со смертью Нины.

Оба замечания записали. Ивану понравилось, что в одном протоколе они стояли рядом. Документ не выбирал, кому верить, а сохранял границы спора.

Перед уходом Панов осмотрел синюю дверь и пол коридора. На резиновом уплотнителе тележки нашлась белая пыль, но тележку использовали для мешков и коробок. На её колёсах были тёмные резиновые частицы, похожие на найденные в смёте.

— Могла разнести всё по комнате, — сказал он.

— Когда ею пользовались в последний раз? — спросила Белова.

Мальцев ответил, что не помнит. Каретников сказал, что тележка обычно стоит в кладовой. Алла возразила: неделю назад видела её у мусорных контейнеров. Три ответа не противоречили друг другу, но ни один не давал времени.

Дамир прислал Ивану сообщение, пока тот оформлял изъятие. Курьер спрашивал, может ли забрать инструменты из кладовой. Иван позвонил ему и объяснил, что помещение пока опечатано.

— Мне работать нечем, — сказал Дамир. — Там паяльник, насос, набор ключей.

— Составь список. Белова решит, что можно выдать после осмотра.

— Вы обещали не выселять.

— Я такого не обещал. Сказал, что твоя ложь будет записана отдельно от убийства.

— Для меня разницы нет. Каретников замок сменит, и всё.

— Вещи твои вернут, если они не нужны делу. По помещению будет решать собственник и совет дома.

Дамир выругался вполголоса и отключился. Иван записал разговор. Жалость к парню не превращала незаконную кладовую в законную, как сухие подошвы не превращали его автоматически в невиновного.

На улице Алла догнала Ивана у машины.

— Вы нашли, откуда пыль?

— Взяли новые образцы. Заключения ещё нет.

— Она из стены?

— Я не могу обсуждать результат до оформления.

— Но Каретников уже знает, что вы смотрели плинтус. Пока вы оформляете, он уберёт всё остальное.

— Комната опечатана. Документы изъяты.

— А весь дом не опечатаете.

— Весь дом и не нужно.

Алла открыла папку и показала распечатанную фотографию. На снимке двухлетней давности жильцы красили трубы в техническом коридоре. Дальняя стена попадала в край кадра. Плинтус тогда был коричневым, деревянным.

— Серый появился позже, — сказала она. — Я просмотрела архив чата.

— Пришлите исходный файл Беловой. Не обрезайте и не подписывайте сверху.

— Уже отправила.

— Тогда это полезно.

— Вы умеете хвалить так, будто выписываете квитанцию.

— Я не хвалю. Фиксирую, что фотография даст нижнюю границу замены.

Алла впервые за день улыбнулась.

— Хорошо. Будем считать это вашим восторгом.

Она ушла к подъезду. Иван задержался возле машины и рассмотрел фасад. За стеной технической комнаты находился глухой участок первого этажа. Снаружи — бетонная панель, вентиляционная решётка и водосточная труба. Никакой двери. Если пыль пришла с обратной стороны заделки, доступ должен был вести не с улицы.

Он не стал искать его один. После разговора о пустом сервере желание немедленно найти скрытый ход было слишком сильным. Сильное желание делало любой сквозняк проходом, любую щель — дверью. В прошлый раз паркинг уже подарил им вентиляционный канал, непригодный для человека.

Белова села в машину с другой стороны.

— О чём думаете?

— Что за стеной есть техническое пространство по схеме Панова. И что мы пока не знаем, где в него входят.

— Хорошо. Именно так и запишите.

— Вы тоже думаете о проходе?

— Думаю о ходатайстве на обследование коммуникационного короба. А ещё о том, что строительный надзор обещал найти исполнительную схему к понедельнику. Стены лучше вскрывать после чертежа, а не вместо него.

По дороге в отдел пришло предварительное сообщение Левина. Образец из-под плинтуса по основным признакам сходен с частицами на одежде и обуви Нины. Для официального заключения требовалось время. Соскоб с окрашенной заделки тоже содержал гипс и целлюлозные волокна, но был смешан с краской и цементом.

— Получается, Нина была возле этой стены, — сказал Иван.

— Или возле другого места, отделанного тем же материалом.

— На рукаве больше частиц. Она могла коснуться необработанного края.

— Могла. А могла прислониться к мешку в мастерской. Или к тележке.

— Тележка прошла через комнату.

— Вот поэтому у нас пока три возможных переносчика и ни одного вывода.

В отделе Зорин прочитал сообщение эксперта и попросил не связывать белую пыль с сервером.

— Я и не связываю, — сказал Иван.

— У тебя на доске рядом висят пустые диски и стена.

— Потому что оба относятся к одному месту.

— На доске соседство быстро становится причиной.

Иван снял листы и разложил на столе двумя рядами. В первом были документы о видеонаблюдении. Во втором — образцы, плинтус, заделка и техническое пространство. Между рядами он оставил пустое место.

— Так лучше?

— Лучше будет, когда ты проверишь курьера.

— Проверяю. Его вещи остаются в кладовой, телефон исследуют, маршрут уточняют.

— Мать звонила в приёмную. Говорит, вы лишили парня работы.

— Инструменты выдадим после разрешения Беловой.

— И не забудь это сделать. Иначе через неделю твоя честность будет выглядеть как наказание удобного подозреваемого.

Иван записал напоминание. Зорин снова раздражал его точным замечанием, которое не отменяло давления на версию Дамира. Начальник не помещался в роль препятствия так же, как Мальцев пока не помещался в роль сообщника.

К шести Белова разрешила выдать Дамиру паяльник, насос и набор ключей после описи. Иван встретился с ним у служебного входа. Дамир проверил каждый предмет и расписался.

— Тележку в тот вечер видел? — спросил Иван.

— Какую?

— Синюю, складскую.

— Она возле лифта стояла. Я ещё пакет на неё поставил, пока дверь открывал.

— Какой пакет?

— Заказ Нины.

— Раньше ты этого не говорил.

— Вы не спрашивали про тележку.

— Пакет касался площадки?

— Наверное. Секунд пять.

— На тележке была пыль?

Дамир пожал плечами.

— Грязная была. Она всегда грязная.

Если пакет Нины поставили на тележку, белая пыль могла попасть на его дно. Но сам пакет исчез, а на одежде погибшей частицы остались. Тележка становилась ещё одним возможным переносчиком, не ответом.

— Кто катал её после тебя?

— Не видел. Я ушёл в кладовую.

— Каретникова видел?

— Нет.

— Нину после звонка?

— Только как она повернула за угол.

Дамир забрал сумку с инструментами.

— Вы всё равно думаете, что это я?

— Я думаю, что ты соврал и сорок минут твоего маршрута не подтверждены. Ещё думаю, что часть твоей работы подтверждена заказами и камерой аптеки.

— Очень утешает.

— Утешать тебя не моя работа.

Дамир закинул сумку на плечо и ушёл. На снегу оставались мокрые следы его кроссовок. Иван проследил, как быстро белые крупинки превращаются в тёмную воду. В ночь убийства дождь должен был сделать то же самое с любой пылью на подошвах Нины, если бы она вышла во двор. Он не сделал. Значит, сухой путь оставался единственным объяснением, которое выдерживало погоду.

В половине восьмого Иван был у матери. Миша встретил его с секундомером на телефоне.

— Сегодня раньше.

— На двадцать семь минут.

— Я записал.

— Правильно.

Мост они покрасили серой гуашью. Белая картонная крошка прилипала к пальцам, и Иван каждый раз видел лабораторные снимки. Миша заметил, что отец смотрит не на ту опору.

— У тебя опять дело в голове?

— Да.

— Тогда зачем пришёл?

Иван поставил кисть в стакан.

— Потому что можно думать о деле и всё равно быть здесь. Но если я начну отвечать телефону вместо тебя, скажи.

— Я и без разрешения скажу.

Они докрасили пролёт. На одной стороне остался светлый след от пальца.

— Замажем? — спросил Иван.

Миша посмотрел и покачал головой.

— Пусть будет. Видно, что руками делали.

Поздно вечером Белова прислала фотографию строительной схемы, которую Панов нашёл раньше обещанного срока. За технической комнатой действительно шёл узкий короб коммуникаций. На листе он тянулся к паркингу, но обрывался у границы другого раздела проекта. Чтобы понять продолжение, требовался соседний лист, которого в архивной папке не оказалось.

Иван увеличил край изображения. Возле обрыва стояла маленькая стрелка: «см. лист 18». У них был лист 17 и лист 19. Восемнадцатого не было.

Он записал: «Установить местонахождение листа 18. Не считать отсутствие доказательством намеренного изъятия». Потом добавил: «Проверить архив застройщика, УК, пожарного надзора».

Белая пыль уже перестала быть случайным мусором. Она связывала одежду Нины со свежим сколом за плинтусом и старой заделкой, за которой проходили коммуникации. Но связь ещё не показывала двери. Она показывала стену и место, где чертёж умолкал.

Глава 8. Чужой пакет

Максим Климов вернулся в воскресенье утренним поездом и уже через сорок минут позвонил Ивану. Говорил он быстро, будто опоздание можно было наверстать скоростью слов.

— Я перед дверью стою. Тут бумажка ваша, что без полиции не входить. Что у меня случилось?

— В квартиру не заходите. Дождитесь меня и следователя.

— Там залив? Соседи опять жаловались на батарею?

— Признаков аварии нет. Рядом с вашей дверью нашли пакет, который оформляли на номер вашей квартиры. Нужно проверить, был ли кто-то внутри.

На другом конце стало тихо.

— Ключи только у меня.

— Запасной комплект кому-нибудь оставляли?

— Никому. Я там не живу.

— Поэтому и подождите в коридоре.

Иван позвонил Беловой, потом диспетчеру УК и предупредил Зорина, куда едет. Начальник спросил, есть ли постановление на обыск.

— Обыска пока нет. Климов готов пустить добровольно. Белова возьмёт письменное согласие и проведёт осмотр.

— Добровольно — это не когда человек после ночного поезда испугался твоей бумажки.

— Я объяснил только про пакет. Белова объяснит права, сможет отказаться.

— Тогда запиши отказ, если откажется, и не торгуйся у двери.

Иван ответил, что понял. Он и сам не хотел добыть удобную улику способом, который потом превратит её в спор о давлении. За последние дни это стало отдельной привычкой: прежде чем войти, устанавливать не только ключ, но и право открыть дверь.

У квартиры стоял невысокий мужчина лет тридцати пяти в дорожной куртке. Рядом лежал чемодан, на ручке висел пакет с едой. Максим разглядывал полосу бумаги поперёк дверного проёма, хотя это была не печать, а уведомление с номером телефона Ивана.

— Вы Чернов?

Иван показал удостоверение.

— Дверь открывали после вашего отъезда?

— Я откуда знаю? Замок вроде целый.

— Когда вы были здесь в последний раз?

— Три недели назад, в четверг. Принял окна после переделки, перекрыл воду и уехал. Я квартиру продавать собираюсь.

— Почему пустует?

Максим посмотрел на дверь соседей и понизил голос:

— Потому что здесь жить нельзя. В спальне промерзает угол, вентиляция тянет обратно, стяжка треснула. Застройщик два раза присылал людей, они пеной мазали и акты писали. Я снимаю ближе к работе. Это теперь преступление?

— Нет. Кто знал, что квартира пустая?

— Полдома. Я объявления вешал, покупателей водил. Риелтор знает, мастер из УК, оконщики, отдел гарантии. Хотите фамилии — дам.

Лифт открылся. Белова приехала с криминалистом Андреем Левиным. Следом поднялась Алла Рубцова, но Белова остановила её у лестницы.

— Осмотр квартиры касается собственника и дела. Внутрь вы не входите.

— Я председатель совета дома.

— Поэтому сможете подтвердить, когда квартира пустовала, если это потребуется. Но не будете ходить по возможным следам.

Алла недовольно посмотрела на Ивана. Он не стал просить для неё исключения.

Белова отвела Максима к окну и спокойно объяснила, что возле его квартиры обнаружен использованный пакет с наклейкой заказа, оформленного на номер 184. Она сказала, что он вправе не соглашаться на осмотр; тогда следствие будет решать вопрос другим законным способом. Максим перечитал бланк дважды.

— Если откажусь, вы всё равно придёте?

— Возможно, если появятся достаточные основания. Но сейчас я прошу вас решить без угроз и обещаний. Мы хотим проверить, не использовал ли кто-то квартиру в ваше отсутствие. Вы будете присутствовать и сможете вносить замечания.

— А потом мне покупатель скажет, что здесь убийство было.

— У нас нет сведений, что преступление совершено в квартире.

— Но пакет связан с убитой женщиной?

— Связан с маршрутом одного из свидетелей. Этого достаточно, чтобы проверить, но недостаточно для вывода.

Максим выдохнул и подписал согласие.

— Смотрите. Только ничего не ломайте.

Левин сначала сфотографировал дверь, коробку и замочную скважину. Видимых царапин возле цилиндра не было. Максим достал связку. На ней висели два одинаковых ключа и маленький ключ от почтового ящика.

— Почему два? — спросил Иван.

— Один от нижнего замка, второй от верхнего.

Ключи действительно различались только насечкой. Максим открыл оба замка. Бумажное уведомление сняли после фотографии и положили в отдельный файл.

В прихожей пахло холодной штукатуркой и закрытым помещением. Мебели не было. На полу лежали куски картона, оставшиеся после ремонта, у стены стояла банка белой краски. Максим шагнул вперёд, но Левин попросил его остаться на коврике.

— Сначала общий вид. Потом покажете, что где было.

Свет включился. Лампочка под потолком загорелась сразу.

— Электричество не отключали? — спросила Белова.

— Нет. Там минимальный платёж. Иногда рабочие приходят.

— Когда приходили в последний раз?

— Оконщики в августе. Потом я сам три недели назад. Больше никого не пускал.

Иван надел бахилы и перчатки. Белова вслух назвала время начала осмотра. Левин медленно прошёл прихожую, отмечая следы на пыльном полу. Пыли было немного: тонкий серый слой собирался у плинтусов и на картоне. Через него тянулись смазанные полосы от обуви Максима, оставленные три недели назад или раньше. Ближе к кухне виднелись другие отпечатки — чётче, меньше и без дорожной грязи.

— Не наступайте, — сказал Левин.

Максим вытянул шею.

— Это не мои. У меня сорок четвёртый.

— Размер по неполному следу не определяют, — ответил Левин. — И обувь у человека бывает разная.

Он поставил рядом масштабную линейку. Отпечаток показывал только носок и часть рисунка: поперечные прямоугольники, между ними узкий зигзаг. Следы начинались не у самой двери, а в полутора метрах от неё, где кончался картон.

— Значит, вошли в бахилах? — спросил Максим.

— Значит только, что на картоне след не виден, — сказала Белова.

Иван присел у стены, не заходя за метку. На плинтусе темнела свежая дуга, будто его задели твёрдым углом. Под ней лежали две бурые крупинки.

— Это мог оставить чемодан, — сказал Максим. — Я таскал образцы плитки.

Левин взял крупинки пинцетом.

— Мог. Проверим состав, если они имеют значение.

Квартира состояла из кухни-гостиной и двух небольших комнат. В кухне стояла стремянка, на подоконнике лежали гарантийные акты, в углу — запечатанный мешок сухой смеси. Никакого тайного прохода, люка или второй двери не было. Окна выходили во двор и на арку между корпусами. С восемнадцатого этажа человек видел почти весь комплекс, но войти через окно не мог.

В гостиной Левин заметил прямоугольник на полу. Вокруг лежала пыль, а участок размером примерно с большую коробку был заметно чище. Один край пересекал след подошвы.

— Здесь что-то стояло, — сказал он.

Максим посмотрел и нахмурился.

— Ничего. Когда я уезжал, комната была пустая. Стремянка всегда на кухне, краска в прихожей.

— Коробка с окнами? Материалы?

— Всё выбросили ещё летом.

На чистом прямоугольнике осталась тонкая прозрачная полоска. Левин подсветил её сбоку. Это был кусок упаковочной ленты, прилипший к ламинату. Он не стал отрывать его пальцами, сфотографировал и снял чистым инструментом.

— Похоже на обычный скотч, — сказал Максим.

— Пока так и запишем, — ответила Белова.

Иван вспомнил большой пакет у Дамира. Тот был мягким, из плотной бумаги, и сам по себе не мог оставить прямоугольник. Но внутри находилась коробка. Заказ Нины курьер передал ей позже, а найденная возле лестницы оболочка относилась к старому заказу из этой квартиры. Кто-то мог держать здесь упаковку, пустые пакеты или предмет, который выдавали за доставку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.